

Жорж Сименон

Мегрэ ищет голову

<http://book.zehinli.info>

1. Находка братьев Нод

Ночное небо едва начинало бледнеть, когда над палубой баржи показалась голова Жюля, старшего из двух братьев Нод. Вслед за головой появились плечи и вся его высокая, нескладная фигура. Он провел рукой по белесым растрепанным волосам, оглядел шлюз и набережные - Жемап по левую руку, Вальми по правую, - и лишь через несколько минут, за которые он успел выкурить сигарету, поеживаясь от свежести занимавшегося утра, на углу улицы Реколе в маленьком баре зажглась лампа.

В сумеречном свете фасад казался еще желтее, чем обычно. Хозяин бара Пополь, непричесанный, без воротничка, вышел на тротуар открыть ставни.

Нод спустился по сходням и, закуривая вторую сигарету, направился к бару. Когда его брат Робер, такой же высокий и худой, вынырнул, в свою очередь, из люка, в освещенном окне бара он увидел Жюля, облокотившегося на стойку, и хозяина, который подливал струйку спиртного ему в кофе.

Робер, по-видимому, ждал своей очереди. Теми же движениями, что у брата, он закурил сигарету. Когда старший вышел из бара, младший спустился с баржи, и они встретились посреди набережной.

- Я заведу мотор, - обронил Жюль.

Нередко они за весь день обменивались всего десятком фраз в этом роде. Их баржа называлась "Два брата". Они были женаты на сестрах-близнецах, и обе семьи жили на борту.

Робер занял место брата в баре Пополя, пропитанном крепким запахом спирта и кофе.

- Славный денек! - сказал Пополь, низенький толстяк.

Нод вместо ответа только взглянул в окно на начинавшее розоветь небо. Первыми в городском пейзаже оживали печные трубы; шифер и черепица крыш, так же как камни мостовой, были еще затянуты от холода последних часов ночи тонким слоем изморози, только начинавшим исчезать.

Послышалось покашливание дизеля. Позади баржи появились клубы черного дыма. Нод бросил монету на оцинкованную стойку, молча коснулся фуражки и снова перешел набережную. У шлюза появился служащий в форме. Где-то далеко, на набережной Вальми, были слышны шаги, но никого еще не было видно. Детские голоса доносились из внутреннего помещения судна, где женщины готовили кофе.

Снова появился на палубе Жюль, перегнулся на корме через борт, и по его нахмуренным бровям брат угадал, в чем дело. Они погрузили в Бовале тесаный камень, и им, как всегда, навалили несколько тонн лишних. Уже накануне, выходя из бассейна Ла-Вилетт в канал Сен-Мартен, они зачерпывали ил со дна.

Обычно в марте воды в канале хватало, но в этом году два месяца не было дождей, и приходилось быть осторожным.

Открылись ворота шлюза. Жюль встал к рулевому колесу, Робер спустился убрать швартовы. Винт пришел в движение и, как этого опасались оба, поднял со дна густую грязь.

Навалившись всем телом на багор, Робер старался оттолкнуть нос судна от берега. Вал, казалось, вращался вхолостую. Привыкший к подобному, шлюзовщик терпеливо ждал, похлопывая себя руками, чтобы согреться.

Раздался толчок, потом тревожный треск сцеплений, и Робер Под повернулся к брату, который заглушил мотор.

Ни тот, ни другой не понимали, что происходит. Винт не мог коснуться дна, так как его защищала выступающая часть руля. Должно быть, он в чем-то запутался, может быть, в старом канате, который лежал на дне канала. В этом случае им придется порядком повозиться, чтобы избавиться от него.

Робер направился на корму и багром старался достать до винта в помутневшей воде. Жюль пошел за багром поменьше. Его жена Лоране высунула голову из люка:

- Что случилось?

- Неизвестно.

Они принялись молча орудовать баграми вокруг остановленного винта.

- Нашел?

- Вроде...

- Кабель?

- Не знаю.

Жюль Нод зацепил что-то своим багром, через несколько мгновений предмет подался, и на поверхности воды появились новые пузырьки воздуха.

Он медленно поднимал шест, и когда вытащил крюк - показался странный пакет, обвязанный бечевкой.

Это была человеческая рука, полностью, от плеча до кисти. В воде она утратила свой естественный цвет и окостенела, как снулая рыба.

Депуаль, бригадир третьего полицейского участка, что на набережной Жемап, заканчивал свое ночное дежурство, когда в дверном проеме появилась долговязая фигура старшего брата Нод.

- Я стою выше шлюза Реколе с баржой "Два брата". Когда мы завели мотор, винт заело, и мы вытащили мужскую руку.

Депуаль уже пятнадцать лет служил в 10-м округе, и его реакция на сообщение была характерна для любого полицейского.

- Мужскую? - спросил он недоверчиво.

- Да, мужскую. Она поросла черным волосом и...

Из канала Сен-Мартен периодически вытаскивали мертвые тела, причиной находки почти всегда было движение судовых винтов. Чаще всего это были целые трупы, среди них нередко

попадались мужчины: старый нищий, например, свалившийся в пьяном виде в канал, или субъект, пришитый соперничающей бандой.

Тела, разрубленные на части, попадались не так уж и редко - раза два-три в год в среднем, но, насколько мог вспомнить Депуаль, это всегда были женщины. В девяти случаях из десяти - проститутки самого низкого пошиба. "Убийство на почве садизма" - указывалось тогда в полицейских донесениях.

Полиция хорошо знала фауну квартала, всегда имела свежие списки темных и подозрительных личностей, и обычно достаточно было нескольких дней, чтобы арестовать виновного, если речь шла о грабеже или вооруженном нападении. Но очень редко ей в руки попадались убийцы такого сорта.

- Вы ее принесли? - спросил Депуаль.

- Руку-то?

- Где вы ее оставили?

- На набережной. Нам можно отчалить? Нас ждут на Арсенальной набережной.

Не отвечая, Депуаль закурил, позвонил в дежурную часть полиции о случившемся, а затем набрал номер квартиры Магрена, квартального комиссара:

- Простите, что разбудил. Речники только что вытащили из канала руку... Нет, мужскую... Я тоже так подумал... Как?... Да, он здесь. Сейчас спрошу.

Он повернулся к Жюлю, не выпуская трубки:

- Долго она, если судить по виду, пробыла в воде? Нод-старший почесал в затылке:

- Смотря по тому, что вы называете долго.

- Очень разложилась?

- Не могу сказать. Думаю, пролежала дня два-три. Депуаль повторил в трубку:

- Два-три дня.

Потом все слушал, катая карандаш, распоряжения, которые ему давал комиссар.

- Можно нам идти в шлюз? - повторил Нод, когда Депуаль положил трубку.

- Пока нельзя. Комиссар сказал, что к барже могли пристать другие части тела, и мы рискуем их потерять, если вы уплывете.

- Но не могу же я там торчать вечно! Позади нас уже собралось четыре баржи.

Дежурный позвонил по другому номеру и ждал ответа.

- Алло!.. Виктор?.. Я тебя разбудил?.. А, ты уже завтракаешь? Тем лучше! У меня для тебя есть дельце.

Виктор Кадэ жил неподалеку, и редкий месяц проходил без того, чтобы его не пригласили на канал для выполнения служебных обязанностей. Этот человек извлек со дна Сены и парижских каналов огромное число всевозможных диковин, включая и человеческие тела.

- Сейчас! Только помощника предупрежу. Было семь утра. На бульваре Ришар-Ленуар г-жа Мегрэ, как всегда свежая и благоухающая, готовила на кухне завтрак, в то время как ее муж еще крепко спал. На набережной Орфевр в 6 утра на дежурство заступили Люкас и Жанвье, и первый из них выслушал по телефону донесение о находке в канале Сен-Мартен.

- Любопытно! - пробормотал он, адресуясь к Жанвье. - Из канала вытащили руку, и это не женская рука.

- Мужская?

- Какая же еще?

- Могла быть и детская.

Такой случай тоже был, единственный раз.

- Доложим шефу?

Люкас взглянул на часы и, поколебавшись, отрицательно покачал головой:

- Не горит. Дадим ему хоть выпить кофе. Без десяти восемь перед баржей “Два брата” собралась уже целая толпа, и постовой удерживал любопытных на известной дистанции от предмета, лежавшего на плитах набережной и накрытого куском брезента. Надо было провести через шлюз лодку Виктора Кадэ, которая подошла теперь к набережной.

Кадэ был человек гигантского роста, и его водолазный скафандр казался сделанным по особому заказу. Помощник его, напротив, был маленький пожилой человек, который все время жевал табак и длинными струйками сплевывал в воду темную слюну.

Он прикрепил лестницу, наладил помпу и завинтил огромный медный шлем на голове Виктора.

Две женщины и пятеро детей, все светлоголовые, почти альбиносы, стояли на корме “Двух братьев”; одна из женщин была беременна, другая держала на руках грудного младенца.

Солнце заливало здания набережной Вальми, и свет его был так ясен и весел, что невольно хотелось спросить, почему у этой набережной такая мрачная слава. Конечно, краска на домах была старая, белый и желтый цвета стерлись, но в это мартовское утро вид их был чист, как на картине Утрилло.

Позади “Двух братьев” выстроились еще четыре баржи, с бельем на веревках, с детьми, которых тщетно пытались утихомирить. Запах смолы перебивал менее приятный запах канала.

В четверть девятого, когда Мегрэ закончил вторую чашку кофе и собирался закурить трубку, раздался звонок Люкаса.

- Говоришь, мужская рука? - Мегрэ тоже был удивлен. - Больше ничего не нашли?

- Водолаз сейчас за работой. Надо побыстрее разгрузить шлюз, не то образуется пробка.

- Кто пока ведет следствие?

- Жюдель.

Этот инспектор 10-го округа звезд с неба не хватал, но был старателен, и на него на первых порах можно было положиться.

- Отправитесь прямо туда, шеф?

- Да, это ведь не так далеко от меня.

- Кому-нибудь из нас приехать?

- Кто сейчас на месте?

- Жанвье, Лемэр... Минутку! Вот и Лапуэнт пришел. Мегрэ помедлил с ответом. Солнце заливало комнату, окно было приоткрыто. Может быть, в этом деле нет ничего особенно загадочного, тогда пусть им и дальше занимается Жюдель. По началу еще трудно судить. Будь то рука женщины, Мегрэ мог бы поклясться, что все остальное будет как обычно. Но раз речь идет о мужской руке, возможно всякое. И если дело окажется стоящим и Мегрэ возьмется за него сам, от его теперешнего выбора будет отчасти зависеть дальнейший ход розыска, потому что комиссар привык заканчивать расследование с тем инспектором, с которым его начинал.

- Пришли Лапуэнга.

Последнее время он работал с этим инспектором: его молодость, энтузиазм, растерянность при сознании допущенного промаха забавляли Мегрэ.

Был конец марта. Два дня назад официально началась весна, она чувствовалась так сильно, что Мегрэ чуть было не вышел без пальто.

На бульваре Ришар-Ленуар он сел в такси. Прямого автобуса не было, а ехать в метро в такую погоду не хотелось. Как Мегрэ и ожидал, он приехал к шлюзу Реколе раньше Лапуэнта. Над черной водой канала склонился инспектор Жюдель.

- Нашли еще что-нибудь?

- Пока нет, шеф. Виктор сейчас осматривает днище баржи, чтобы убедиться, что к нему ничего больше не пристало.

Прошло еще десять минут - за это время прибыл на маленьком черном "пежо" Лапуэнт, - прежде чем светлые пузырьки воздуха возвести наконец о предстоящем появлении Виктора.

Его помощник бросился отвинчивать медный шлем скафандра. Водолаз тотчас же закурил, огляделся и, узнав Мегрэ, фамильярно взмахнул рукой в знак приветствия.

- Ничего нового?

- В этом секторе ничего.

- Баржа может отправляться?

- Уверен, теперь она подцепит разве что ил со дна.

Услышав это, Робер Нод крикнул брату:

- Заводи мотор!

Мегрэ повернулся к Жюделю:

- Они оставили свои показания?

- Да, и подписали их. К тому же они еще дня четыре будут разгружаться у Арсенальной набережной.

Это было двумя километрами ниже, между площадью Бастилии и Сеной.

Низко сидящее в воде судно не сразу удалось оттолкнуть от берега, но наконец оно вошло в шлюз, и ворота сомкнулись.

Толпа зевак стала расходиться. Остались лишь те, кому уж вовсе нечего делать - они, видимо, проведут здесь весь день.

Виктор не снимал своего резинового одеяния.

- Другие части, если они есть, надо искать выше по течению, - заметил он. - Ноги, туловище, голова тяжелее руки, значит, их меньше снесло вниз.

О каком течении говорил Виктор? Плававший на поверхности канала мусор был неподвижен.

- Ясно, такого течения, как в реке, тут нет, но при каждом шлюзовании незаметный ток воды все же возникает по всей длине бьефа, - пояснил водолаз.

- Значит, нужно искать до соседнего шлюза?

- Дело начальства платить, а ваше - приказывать, - изрек Виктор между двумя затяжками.

- Много времени это займет?

- Смотря по тому, где я найду остальное. Если оно, разумеется, в канале.

В самом деле, разве нельзя было одну часть тела бросить в канал, а другую еще куда-либо - на пустырь, например?

- Продолжайте.

Кадэ подал помощнику знак причалить лодку повыше и приготовился снова надеть шлем.

Мегрэ отвел в сторону Жюделя и Лапуэнта. Зеваки почтительно поглядывали на маленькую группку должностных лиц.

- Пошарьте на всякий случай по окрестным пустырям и верфям.

- Я ждал только ваших инструкций, чтобы начать, - сказал Жюдель.

- Сколько у вас людей?

- С утра двое, после обеда трое.

- Постарайтесь выяснить, не было ли в последние дни в этих местах каких-либо драк; может быть, кто-нибудь слышал крики или призывы о помощи.

- Хорошо, шеф.

Мегрэ оставил полицейского стеречь руку, которая по-прежнему лежала на плитах набережной, накрытая брезентом.

- Идем, Лапуэнт.

Он направился к угловому бару ярко-желтого цвета и вошел в застекленную дверь под вывеской “У Пополя”. Несколько рабочих в спецодежде закусывали у стойки.

- Что будем пить? - поспешно спросил хозяин.

- У вас есть телефон?

В тот же миг Мегрэ заметил аппарат на стене, возле самой стойки. Кабины не было, а комиссар не хотел звонить при людях.

- Пошли отсюда.

- Вы ничего не выпьете?

У хозяина был обиженный вид, и Мегрэ пришлось пообещать:

- Скоро увидимся.

Вдоль набережной выстроились одноэтажные домишки, большие доходные дома, мастерские, огромные бетонные здания, занятые конторами.

- Поищем бистро с телефонной кабиной.

Они зашагали по тротуару. На той стороне канала был теперь виден полицейский участок с его голубым фонарем и выцветшим флагом на темном фоне массивной больницы Св. Людовика.

Они прошли метров триста, прежде чем им повстречался грязноватый бар. От двери вниз вели две каменные ступеньки. Пол был покрыт темно-красными плитками, как в марсельских домах.

В баре никого не было, если не считать большого рыжего кота, лежащего около печи. Он лениво встал, подошел к приоткрытой двери и исчез.

- Есть тут кто? - окликнул Мегрэ.

Слышно было только тиканье настенных часов. В комнате стоял сильный запах спирта, вина и кофе.

В задней комнате зашевелились. Усталый женский голос ответил:

- Сейчас!

Зал с низким, закопченным потолком и почерневшими стенами был погружен в полумрак, который прорезывали два-три солнечных луча. На стене, на картонной табличке, корявыми буквами было выведено: “Закуска в любое время”. И на другой табличке: “Еду можно приносить с собой”.

В этот час дня подобные призывы, очевидно, никого не соблазняли, и Мегрэ с Лапуэнтом были, должно быть, первыми. Телефонная кабина находилась в углу. Мегрэ ждал хозяйку, чтобы зайти туда.

Когда они ее увидели, она закалывала последние шпильки в очень темные, почти черные волосы. Худая, неопределенного возраста, лет, пожалуй, сорока или сорока пяти, с угрюмым лицом, она вышла к ним, шаркая войлочными туфлями:

- Что вам угодно?

Мегрэ взглянул на Лапуэнта.

- У вас хорошее белое вино?

Она пожала плечами.

- Два белого. И телефонный жетон.

Он прикрыл за собой дверцу кабины и вызвал канцелярию прокурора, чтобы сделать устное донесение. Трубку взял товарищ прокурора. Он также выразил удивление, услышав, что найденная в канале рука принадлежит мужчине.

- Водолаз продолжает поиски. Он считает, что остальное должно находиться выше по течению. Я лично хочу, чтобы доктор Поль как можно быстрее исследовал найденную руку.

- Вам можно позвонить туда, где вы сейчас находитесь? Я попытаюсь немедленно его найти и сообщу вам.

Мегрэ прочел на телефоне номер, назвал его и вернулся к стойке, на которой стояли два полных стакана.

- Ваше здоровье! - обратился он к хозяйке. Та, казалось, не расслышала. Она смотрела на них не слишком приветливо и ждала их ухода, чтобы вернуться к своим делам.

Наверное, она была когда-то красива. Во всяком случае, молода, как все. Теперь ее глаза, рот, все тело выражали усталость. Может быть, она больна и ждет приступа? Некоторые люди, зная заранее, когда они почувствуют боль, приобретают такое выражение лица, скрытное и напряженное, как у наркоманов, ожидающих очередной дозы.

- Мне должны позвонить, - предупредил Мегрэ. Конечно, это было место общего пользования, как все бары и кафе, значит, в своем роде безликое.

- У вас неплохое вино.

Это была правда. Большинство парижских бистро хвастают "местным вином", которое на деле чаще всего оказывается разливным вином из Берси. Это, напротив, имело свой специфический аромат. Комиссар попытался определить, из какой оно местности.

- Сансер? - спросил он.

- Нет. Оно из деревни в окрестностях Пуатье. Так вот почему оно имело привкус кремния!

- У вас там родственники?

Она не ответила. Мегрэ восхитило ее умение сохранять спокойствие и молча смотреть на них с ничего не выражающим лицом. Кот подошел к ней и потерся о ноги, на которых не было чулок.

- Ваш муж?..

- Как раз уехал за вином.

"Уехал за вином" - это было все, что она захотела сказать. Поддерживать разговор было не так просто, и Мегрэ уже знаком попросил снова налить стаканы, когда раздался телефонный звонок.

- Да, это я... Вы нашли Поля?.. Он свободен?.. Через час?.. Хорошо, буду там.

По мере того как он слушал дальше, лицо его все больше хмурилось. Товарищ прокурора сообщил, что вести дело поручено следователю Комельо, заклятому врагу Мегрэ, самому догматичному и велеречивому чиновнику прокуратуры.

- Он требует, чтобы вы непременно держали его в курсе дела.

- Понятно.

Это означало, что каждый день Комельо будет ему звонить не менее пяти-шести раз и каждое утро Мегрэ придется являться в кабинет Комельо с докладом.

- Что ж! Будем стараться, - вздохнул он.

- Я не мог ничего сделать, комиссар. Он единственный незанятый следователь...

Солнечный луч в кафе слегка изменил направление и падал теперь на стакан Мегрэ.

- Ну пошли! - буркнул он, вытаскивая деньги. - Сколько с меня?

По дороге он спросил Лапуэнта:

- Ты приехал на машине?

- Я оставил ее возле шлюза.

Щеки Лапуэнта от вина слегка порозовели, глаза заблестели. Еще издали они увидели на берегу группу зевак, следивших за водолазом. Когда Мегрэ и инспектор подошли, помощник Виктора показал им новый пакет на дне лодки, более объемистый, чем первый.

- Нога со ступней, - бросил он, сплюнув в воду. Упаковка пострадала меньше, чем в первом пакете, и Мегрэ не испытывал желания разглядывать ее вблизи.

- Может, вызвать фургон? - спросил он у Лапуэнта.

- Наверное, найдется место сзади, в багажнике. Это был не самый приятный выход из положения, но они не хотели задерживать врача, с которым должны были встретиться в Институте судебной медицины. Это светлое, современной архитектуры здание находилось на берегу Сены, недалеко от места впадения канала.

- Так положить? - спросил Лапуэнт.

Мегрэ промолчал, и инспектор, преодолевая отвращение, отнес в багажник один сверток за другим.

- Попахивает? - спросил комиссар, когда тот снова подошел к краю воды.

Лапуэнт в ответ только сморщил нос.

Доктор Поль, в белом халате и резиновых перчатках, курил сигарету за сигаретой. Он утверждал, что табак - один из самых надежных антисептиков, и ему случалось выкуривать по две пачки "Галуаз" в ходе вскрытия.

Он работал увлеченно и даже весело, склонившись над мраморным столом, окутанным клубами дыма.

- Разумеется, пока не могу сказать ничего окончательного. Во-первых, я хотел бы видеть все тело, а не только одну ногу и руку; во-вторых, нужно сделать ряд анализов, прежде чем что-либо утверждать.

- Возраст?

- Насколько можно судить, - от пятидесяти до шестидесяти, пожалуй, ближе к пятидесяти.

Поглядите на эту руку. Она широкая и сильная; ей безусловно знаком физический труд.

- Рука рабочего?

- Скорее, крестьянина. И, однако, могу держать пари, что эта рука уже много лет не бралась за орудия труда. Этот человек не очень следил за собой, как вы можете видеть по ногтям, особенно на большом пальце.

- Бродяга?

- Не думаю. Повторяю: прежде чем дать заключение, я должен видеть все тело.

- Давно он мертв?

- Я думаю, дня три, не больше. Пожалуй, даже меньше. Не торопите меня, потому что вечером или завтра я, может быть, скажу вам совершенно другое.

- Но это случилось не прошлой ночью?

- Нет. Может быть, в предыдущую.

Мегрэ и Лапуэнт курили тоже, стараясь, по мере возможности, не задерживать взгляд на мраморном столе. Доктор же, очевидно, получал удовлетворение от своей работы, манипулируя инструментами с ловкостью фокусника.

Он уже намеревался переодеться в свой обычный костюм, когда Мегрэ пригласили к телефону. Звонил Жюдель с набережной Вальми.

- Нашли туловище! - доложил он возбужденным тоном.

- А голову?

- Нет еще. Виктор говорит, что это самое трудное. Голова тяжелей всего и глубже погрузилась в ил. Он нашел также пустой портфель и дамскую сумочку.

- Возле туловища?

- Нет, на значительном расстоянии. Похоже, они не имеют к нему никакого отношения.

Виктор уверял, что каждый раз при погружении в канал он может вытащить оттуда столько всякой всячины, что ее хватит для целого лотка на барахолке. Например, перед тем, как найти туловище, он вытянул вверх металлическую кровать и два ведра.

Доктор ждал, все еще не снимая перчаток.

- Новое? - спросил он.

Мегрэ кивнул и спросил Жюделя:

- Сумеете переправить находку сюда?

- Конечно.

- Жду. побыстрее, доктор Поль спешит. Они постояли возле порога, где легче дышалось и откуда они могли видеть непрерывное движение по Аустерлицкому мосту. На той стороне Сены разгружались у Главных складов баржи и небольшое морское судно; в это утро в воздухе Парижа было нечто молодое и радостное - начиналась новая весна, и люди становились оптимистами.

- Татуировки и шрамов нет?

- На том, что я осмотрел, нет. Я сказал бы, что у него кожа домоседа.

- Он, кажется, здорово волосат.

- Да. Пожалуй, я могу описать вам тип людей, к которому он принадлежит. Темноволосый, не очень высокий, скорее даже низкорослый, но крепкий, с сильными мышцами и темными волосами на руках, ногах и груди. Французские деревни производят много таких молодцов, дюжих, своевольных и упрямых. Любопытно было бы посмотреть на его голову.

- Если ее найдут!

Через четверть часа двое полицейских принесли туловище, и доктор Поль чуть ли не потирал руки, подходя к мраморному столу, как столяр-краснодеревщик к верстаку.

- Итак, подтверждается: это не профессиональная работа, - пробормотал он. - Я хочу сказать, что тот, кто расчленил тело, не был ни мясником, ни специалистом с бойни. И еще меньше хирургом! Кости пилил обычной пилой. Для прочего, кажется, употребил большой разделочный нож, какие бывают в большинстве кухонь. Это, должно быть, потребовало немало времени. За дело принимались в несколько приемов. Он сделал минутную передышку.

- Посмотрите-ка на эту волосатую грудь... Мегрэ и Лапуэнт мельком взглянули на стол.

- Заметной раны нет?

- Я ничего не нашел. Бесспорно лишь, что человек этот не утонул.

Это было почти смешно - мысль, что человек, разрезанный на куски, мог утонуть в канале.

- Сейчас я займусь внутренностями, особенно содержимым желудка. Вы остаетесь?

Мегрэ сделал отрицательный жест. Он не слишком любил такие зрелища и поэтому торопился пропустить стаканчик - уже не вина, а чего-либо покрепче, чтобы избавиться от отвратительного привкуса во рту.

- Минутку, комиссар... Ну, что я вам говорил? Видите эту светлую полосу и эти синеватые пятнышки на животе?

Мегрэ, не глядя, сказал:

- Да.

- Это шрам от давней операции. Аппендицит.

- А пятна?

- Это самое любопытное. Не могу ручаться, но я почти уверен, что это следы от охотничьей дроби. Это подтверждало бы, что человек некогда жил в деревне; был он крестьянином или полевым сторожем - этого я не знаю. Очень давно, должно быть лет двадцать назад, если не больше, в него попал заряд дроби. Я насчитал семь..., нет, восемь одинаковых следов, расположенных в виде дуги. Мне случилось однажды видеть нечто похожее, но тогда рисунок не был таким правильным. Надо будет это сфотографировать для моего архива.

- Вы мне позвоните?

- Вы будете у себя?

- Да, на службе, а обедать буду скорее всего на площади Дофины.

- Я сообщу, что обнаружу.

На улице, залитой солнцем, Мегрэ вытер платком лоб. Лапуэнт не мог сдержаться и то и дело сплевывал: у него тоже был мерзкий привкус во рту.

- Я велю продезинфицировать багажник, как только мы вернемся, - объявил он.

Прежде чем сесть в машину, они зашли в бистро и выпили по стопке виноградной водки. Напиток был таким крепким, что Лапуэнт ощутил тошноту и поднес ко рту руку, испугавшись, что его вырвет. Потом ему стало легче, и он пролепетал:

- Извините меня.

Когда они вышли, хозяин бара сказал клиентам:

- Эти тоже жмуриков опознавать приходили. Все они заглядывают сюда такие.

Он-то сам к таким вещам привык: кабачок его находился как раз напротив Института судебной медицины.

2. Сургуч для бутылок

Когда Мегрэ вошел в длинный коридор здания на набережной Орфевр, в глазах у него мелькнула веселая искорка: даже сюда, в самое серое и тусклое место на земле, проник солнечный свет, пусть даже только в виде светящейся пыли.

У дверей кабинетов на скамейках без спинок сидели люди, некоторые были в наручниках. Мегрэ направлялся к начальнику, чтобы доложить о находках на набережной Вальми, когда один из сидящих встал и поднес руку к полям шляпы в знак приветствия.

С фамильярностью, обычной для людей, которые видят друг друга ежедневно в течение многих лет, Мегрэ бросил ему:

- Ну, Виконт, что вы об этом скажете? А вы уверяли, что на куски режут только одних публичных женщин.

Тот, кого все называли Виконтом, не смутился, хотя наверняка понял намек. Он был педераст, разумеется, тайный. Он "делал" набережную Орфевр уже пятнадцать лет для одной из парижских газет, агентства печати и двух десятков провинциальных газеток. Он еще сохранил манеру одеваться, принятую в бульварных пьесах начала века, и на груди у него на широкой черной

ленточке висел монокль. Из-за этого монокля, которым он, впрочем, никогда не пользовался, его, наверное, и прозвали Виконтом.

- Голову еще не выудили?

- При мне - нет.

- Я только что звонил Жюделю, он тоже говорит, что нет. Если будет что-нибудь новое, комиссар, не забудьте обо мне.

Он снова уселся на скамью, а Мегрэ вошел к начальнику. Здесь окно было тоже открыто и тоже были видны плывущие по Сене баржи. Двое мужчин дружески побеседовали несколько минут.

Когда Мегрэ вернулся к себе в кабинет, на бюваре его ждала записка, и он тотчас понял, от кого. Как он и ожидал, следователь Комельо просил позвонить ему немедленно по прибытии.

- Господин следователь, говорит комиссар Мегрэ.

- Здравствуйте, Мегрэ. Вы вернулись с канала?

- Из Института судебной медицины.

- Доктор Поль там?

- Да, он исследует внутренности.

- Тело, конечно, опознать не удалось?

- На это нельзя было и рассчитывать, коль скоро нет головы, разве что случай поможет...

- Как раз об этом я и хотел поговорить с вами. В обычном деле, когда личность жертвы установлена, более или менее известно, что делать дальше. Вы следите за моей мыслью? У нас же, напротив, нет ни малейшего представления, о ком пойдет речь завтра, послезавтра или через час. Возможны всякие сюрпризы, в том числе и самые неприятные, и мы должны соблюдать чрезвычайную осторожность.

Комельо выговаривал каждый слог и слушал звучание собственного голоса. Все, что он говорил и делал, всегда было "чрезвычайно важно".

Большая часть судебных следователей не вмешивается в розыск, пока его ведет полиция. Комельо, напротив, хотел руководить всем с самого начала, и это проистекало, вероятно, из его страха перед осложнениями. Брат его жены был видным политическим деятелем, одним из тех парламентариев, которых встречаешь почти в каждом кабинете министров. Комельо любил повторять: "Вы понимаете, из-за него мое положение более уязвимо, чем у других".

Мегрэ отделался обещанием звонить каждый раз, если будет что-либо новое, и даже домой, если это случится в вечернее время. Он бегло просмотрел почту и пошел в комнату инспекторов.

- У нас сегодня вторник?

- Так точно, шеф.

Если предположения доктора Поля правильны и тело пролежало в канале около двух суток, значит, преступление произошло в воскресенье, вечером или ночью: маловероятно, что пакеты были брошены в воду среди бела дня и менее чем в полукилометре от полицейского участка.

- Это ты, госпожа Мегрэ? - шутливо спросил он, услышав голос жены в телефонной трубке. - Обедать не приду. Что ты сегодня приготовила?.. Баранина с фасолью? Ладно, не до этого...

Он позвонил Жюделю:

- Ничего нового?

- Виктор решил перекусить, прямо там, в лодке. Теперь есть все, кроме головы. Он спрашивает, продолжать ли поиски.

- Разумеется.

- Мои люди за работой, но пока нет ничего определенного. Была одна драка в воскресенье вечером, в баре на улице Реколе, не "У Пополя", а дальше, к предместью Сен-Мартен. Одна

консьержка жалуется, что исчез ее муж, но он пропал уже больше месяца и приметы не совпадают.

- Я, наверное, загляну к вам после обеда. Отправляясь обедать в пивную “У дофины”, он снова зашел к инспекторам:

- Идешь, Лапуэнт?

Молодой инспектор совсем не был ему нужен для того, чтобы сесть за привычный столик в пивной на площади Дофины. Эта мысль позабавила его, когда они молча шли по набережной. Он улыбнулся, вспомнив о вопросе, который ему некогда задали на этот счет. Его друг Пардон, врач с улицы Попенкур, у которого они с женой обычно раз в месяц обедали, спросил его как-то вполне серьезно:

- Скажите, Мегрэ, почему полицейские в штатском, совсем как водопроводчики, всегда ходят по двое?

Он никогда на это не обращал внимания, но это была правда. Он и сам редко работал без сопровождающего инспектора.

Комиссар почесал затылок:

- Думаю, это повелось с того времени, когда улицы Парижа были небезопасны и в иные кварталы не следовало ходить в одиночку, особенно ночью.

Эта причина существовала в ряде случаев и теперь, например при задержании или при посещении мест с сомнительной репутацией. Тем не менее Мегрэ продолжал размышлять вслух:

- Существует также вторая причина, которая играет роль и при допросах. Если полицейский будет собирать свидетельские показания один, то подозреваемый, давший их неохотно, всегда сможет потом отказать от своих слов. Для присяжных показания двоих весят больше, чем одного.

Мегрэ не удовольствовался и этим.

- С практической точки зрения это почти необходимость. Например, в ходе слежки нужно позвонить по телефону и в то же время нельзя выпускать из поля зрения человека, за которым следишь. Или же человек этот вошел в дом, где есть несколько выходов.

Пардон с улыбкой возразил:

- Когда мне приводят ряд причин, я склонен думать, что ни одна из них сама по себе не достаточна. На это Мегрэ ответил:

- В таком случае, скажу о себе. Я почти всегда хожу с инспектором потому, что боюсь скуки.

Он не стал рассказывать Лапуэнту об этом разговоре: никогда не следует проявлять скептицизм при молодежи, а Лапуэнт был пока что парнем с огоньком. Обед был приятным и мирным, в пивную то и дело приходили другие инспекторы и комиссары, человек пять-шесть обедали в зале.

- Вы верите, что мы найдем голову?

Мегрэ поймал себя на том, что отрицательно качает головой. По правде сказать, он еще над этим не думал. Ответил он чисто инстинктивно и не смог бы объяснить, почему ему кажется, что водолаз напрасно будет рыться в иле канала Сен-Мартен.

- Куда ее могли деть?

Откуда ему это знать? Ну, например, положили в чемодан и сдали в камеру хранения на Восточном вокзале, поблизости, или на Северном вокзале, чуть дальше. Или же отправили в провинцию по первому попавшемуся адресу на одном из громадных рейсовых грузовиков. Он часто видел эти красно-зеленые автомобили на улицах города, но не знал, где находится фирма. Оказывается, она была там, возле канала, на улице Тераж. Сегодня утром он насчитал больше двадцати машин с надписью “Транспортная контора Зенит” - Руле и Ланглуа”, стоявших вдоль тротуара.

В тот момент он ни о чем особенно не думал. Свой интерес к новому делу Мегрэ объяснил тем, что он уже давно не работал в районе канала. Когда-то, в самом начале его карьеры, каждая улица этого квартала была ему хорошо знакома, равно как изрядное число теней, скользивших по вечерам вдоль домов.

Они еще пили кофе, когда Мегрэ пригласили к телефону. Звонил Жюдель:

- Право, не знаю, правильно ли я поступил, беспокоя вас, шеф. Говорить о том, что обнаружен след, еще нельзя. Один из моих людей, Бланпен, которого я поставил на пост недалеко от водолаза, приблизительно с час назад обратил внимание на одного парня с грузовым трехколесным велосипедом. Ему показалось, что он уже видел его рано утром, потом спустя полчаса и так несколько раз в течение утра. Другие зеваки стояли на набережной, но этот парень, говорит Бланпен, держался в стороне и казался более заинтересованным, чем другие. Обычно такие служащие едут по определенному адресу и не могут терять время зря.

- Бланпен заговорил с ним?

- Он собирался это сделать и направился к нему, но не прошел и нескольких метров, как парень, заметно испугавшись, вскочил на свою машину и помчался к улице Реколе. Бланпен безуспешно пытался нагнать беглеца, но тот исчез в уличной сутолоке.

Оба помолчали. Все это было слишком неопределенно: могло ничего не означать, но могло и быть отправной точкой для поисков.

- Бланпен дал его приметы?

- Это малый лет восемнадцати - двадцати, похоже, из деревни, потому что у него лицо еще румяное. Блондин, волосы длинные, одет в кожаную куртку поверх свитера. Бланпен не успел прочесть надпись на его велосипеде. Какое-то слово, которое оканчивается на "ай". Мы сейчас уточняем список торговцев квартала, у которых могут быть такие служащие, - Что говорит Виктор?

- Что ему все равно где быть - под водой или над водой, раз ему платят, но он уверен, что зря теряет время.

- На пустырях ничего не нашли?

- Пока ничего.

- Я надеюсь получить какие-либо подробности из заключения судебного эксперта.

Заключение было передано Мегрэ по телефону, когда он вернулся к себе на службу, около половины третьего. Поль сказал: официальное донесение придет позже.

- Вы записываете, Мегрэ? Мегрэ раскрыл блокнот.

- Это примерные данные, но они близки к точным. Сначала приметы, насколько их можно установить при безголовом теле. Он невысок, приблизительно один метр шестьдесят семь сантиметров. Шея короткая, толстая, можно предположить, что лицо было широкое, с массивной челюстью. Волосы темные, на висках возможна седина. Вес семьдесят четыре кило. Это был человек коренастый, почти квадратный, скорее мускулистый, чем жирный, хоть он и расплылся под конец жизни. По печени видно, что он порядком выпивал, хотя не думаю, чтобы это был запойный пьяница. Видимо, из тех, кто привык каждый час пропускать стаканчик, в особенности белого вина. Кстати, следы этого вина я и нашел в его желудке.

- Пища тоже была?

- Да. Его последним обедом или ужином была жареная свинина с фасолью.

- Задолго до смерти?

- Думаю, часа за два - два с половиной. Я также извлек то, что скопилось у него под ногтями, и послал это в лабораторию. Мере сообщит результаты сам.

- А шрамы?

- Остаюсь при своем мнении. Аппендектомия сделана лет пять-шесть назад хорошим хирургом, судя по качеству работы. Следы дробинок имеют по меньшей мере двадцатилетнюю давность, но мне хочется удвоить эту цифру.

- Возраст?

- От пятидесяти до пятидесяти пяти.

- Значит, выстрел из охотничьего ружья был сделан, когда он был ребенком?

- Это мое мнение. Общее состояние организма удовлетворительное, за исключением увеличенной печени, о чем я уже говорил. На левом легком рубец от очень давнего туберкулеза: детям и грудным младенцам часто случается переносить легкий туберкулез незаметно для окружающих. А если хотите узнать еще больше, доставьте мне голову, и я сделаю все, что смогу.

- Ее еще не нашли.

- Ну, значит, и не найдут.

Слова Поля подтверждали мнение Мегрэ. На набережной Орфевр бытует ряд убеждений, в конце концов ставших аксиомами. Например, что разрубленными на части неизменно оказываются проститутки самого низкого пошиба. Или что голова отыскивается реже, чем другие части тела.

- Если мне позвонят, - сказал Мегрэ, заглянув к инспекторам, - я наверху, в лаборатории.

Он медленно взобрался на самую верхотуру Дворца правосудия к Мерсу.

- Работаешь на меня? - осведомился он.

- Изучаю пробы, присланные Полем.

- Результатов еще нет?

В огромном зале работали и другие специалисты.

- У меня складывается впечатление, - Мере всегда говорил вполголоса, как в церкви, - что убитый не слишком часто выходил из дому.

- Почему?

- Я изучил грязь из-под ногтей на ногах. Могу сказать, что последнее время он носил носки из сине-зеленой шерсти. Я обнаружил также ворсинки войлока, из которого делается домашняя обувь. Отсюда я заключаю, что человек этот обычно носил войлочные туфли.

- Если это точно, Поль должен это подтвердить, потому что долгое ношение мягких туфель в конце концов деформирует ступню; по крайней мере, так без конца твердит моя жена...

Он не закончил фразы, позвонил в Институт судебной медицины, но доктора Поля там уже не было, и пришлось позвонить ему домой.

- Говорит Мегрэ... Один вопрос, доктор, в связи с замечанием Мерса. Вам не показалось, что этот человек чаще ходил в мягких туфлях, чем в ботинках?

- Поздравьте от меня Мерса. Я чуть было сам не сказал вам это недавно, но счел, что это слишком неопределенно и я рискую направить вас по ложному следу. При изучении ступней мне пришла мысль, что это, быть может, официант из кафе. У них, так же как у метрдотелей и полицейских агентов, особенно уличных постовых, ступни становятся плоскими не от ходьбы, а от долгого стояния.

- Вы говорили, что у него грязные ногти на руках.

- Верно. У метрдотеля не может быть траура под ногтями.

- У официанта из большого ресторана или богатого кафе тоже.

- Мере больше ничего не обнаружил?

- Пока нет. Благодарю, доктор. Прошло еще около часа. Мегрэ бродил по лаборатории, наклоняясь то к одному, то к другому сотруднику.

- Вас интересует, что у него под ногтями есть земля, смешанная с селитрой?

Как и Мегрэ, Мере знал, где чаще всего встречается подобная смесь - в погребках, особенно сырых.

- Ее мало или много?

- Это меня и поразило. Человек не может так выпачкаться с одного раза.

- Иначе говоря, он имел привычку спускаться в погреб?

- Это только гипотеза.

- А руки?

- Я обнаружил под ногтями сходное вещество, но с другими примесями и с мельчайшими крупинками красного сургуча.

- Какой употребляют для запечатывания бутылок с вином?

- Да.

Мегрэ был почти разочарован: загадка оказывалась слишком легкой.

- В общем, это владелец бистро, - проворчал он. И в памяти его всплыл образ худой черноволосой женщины, которая утром подавала им вино. В таком квартале, как набережная Вальми, не было недостатка в живописных индивидуумах. Но Мегрэ редко приходилось встречать тот тип инертности, который он отметил у этой женщины. Это было трудно объяснить. Большинство людей, глядя на вас, чем-то с вами обмениваются, устанавливается какой-то контакт, пусть даже этот контакт выражается в недоверии и вызове.

С этой женщиной, напротив, не установилось ничего. Она подошла к стойке без удивления и без страха, с признаками усталости, которая, наверно, никогда ее не покидала.

А может быть, это было безразличие? Она также не была ни пьяна, ни больна, во всяком случае, в тот момент. Тогда же утром Мегрэ дал себе слово еще раз навестить к ней, хотя бы только для того, чтобы разобраться, клиентура какого рода посещает это заведение.

- У вас есть идея, шеф?

- Может быть.

Мегрэ предпочел не объяснять. В четыре часа дня он позвал Лапуэнта, который работал у себя над бумагами.

- Отвезешь меня?

- На канал?

- Да.

- Надеюсь, машину успели вымыть.

На женщинах были уже светлые шляпки. Этой весной моден красный цвет, цвет мака. Над террасами опустили оранжевые и полосатые тенты.

На набережной Вальми они вышли из машины. Виктор все еще обшаривал дно канала. Жюдель тоже был на месте.

- Ничего нового?

- Ничего.

- И одежды никакой?

- Мы занялись бечевкой, которой были обвязаны пакеты. Если вы сочтете нужным, я пошлю ее в лабораторию. По виду это обычная толстая бечевка, которой пользуются большинство лавочников. Я велел расспросить окрестных торговцев скобяными изделиями. Результатов пока нет. Что до газет, клочья которых я велел просушить, то они в основном за прошлую неделю.

- За какое число последняя?

- Утренний субботний выпуск.

- Ты знаешь быстро, что расположено чуть выше улицы Тераж, рядом с магазином аптекарских товаров?

- “У Каласа”?

- Я не посмотрел на вывеску. Маленький темный зал, ниже тротуара, с большой печью посередине и с черной трубой, которая идет почти через всю комнату.

- Ну да, это у Омера Каласа. Квартальные инспекторы лучше знали эти места, чем их коллеги с набережной Орфевр.

- Какого сорта заведение? - спросил Мегрэ, глядя на пузырьки воздуха, отмечавшие передвижение Виктора по дну канала.

- Спокойного. Не помню, чтобы у хозяев были какие-либо осложнения с нами.

- Омер Калас родом из деревни?

- Наверно. Можно посмотреть в списках. Большая часть владельцев бистро приезжает в Париж в качестве слуг или истопников, потом женится на кухарках и под конец открывает собственные заведения.

- Они давно здесь?

- Они уже были здесь, когда я начал работать в этом квартале. Я всегда знал бистро таким, каким вы его видели. Это почти напротив нашего участка, и я иной раз захожу к ним выпить глоток вина. У них хорошее белое вино.

- Обслуживает посетителей обычно сам хозяин?

- Большую часть дня. Кроме нескольких часов после обеда, когда он ходит играть на бильярде в кабачок на улице Лафайет. Он прямо-таки помешан на бильярде.

- В его отсутствие его заменяет жена?

- Да. Они не держат ни прислуги, ни официанта. Припоминаю, что у них, кажется, была когда-то служаночка, но не знаю, куда она делась.

- Какая у них клиентура?

- Трудно сказать. - Жюдель почесал затылок. - Во всех бистро квартала клиенты более или менее одинаковые. И в то же время в каждом особые. “У Пополя”, например, что возле шлюза, шумно с утра до вечера. Много пьют, много галдят, и воздух всегда синий от курева. После восьми вечера там обычно встретишь нескольких женщин, у которых тоже постоянные клиенты.

- А у Омера?

- Ну, прежде всего, его бистро не на таком людном месте. Потом, как-то темнее, печальней. Вы, должно быть, убедились, что там, внутри, не так уж весело. Утром туда приходят выпить стаканчик рабочие с ближайших верфей, в полдень некоторые туда приносят с собой еду и берут пол-литра белого вина. После обеда - тише. Омер и выбрал это время для игры на бильярде. В час аперитива снова набирается народ.

Мне случалось заходить туда вечером. Каждый раз я видел лишь игру в карты за одним столиком да две-три фигуры у стойки. В таких местах, если ты не завсегдатай, всегда чувствуешь себя чужаком.

- Омер женат на этой женщине?

- Никогда не задумывался над этим. Это легко проверить. Можно хоть сейчас пойти в комиссариат и посмотреть в книгах.

- Вы мне потом дадите эту справку. Сейчас, кажется, Омер Калас в отъезде?

- Это она вам сказала?

- Да.

В этот час баржа братьев Нод пришвартовалась к Арсенальной набережной и краны начали разгрузку тесаного камня.

- Я хочу, чтобы вы составили мне список окрестных бистро, где хозяин или слуга отсутствуют с воскресенья.

- Вы считаете, что...

- Это идея Мерса. Возможно, неплохая. Пройдусь туда.

- К Каласу?

- Да. Идем, Лапуэнт.

- Завтра снова вызывать Виктора?

- Это значило бы швырять на ветер деньги налогоплательщиков. Если он ничего не нашел сегодня, значит, там нечего больше искать.

- Он тоже так считает.

- Пусть заканчивает и не забудет прислать мне завтра донесение.

Проходя мимо улицы Тераж, Мегрэ бросил взгляд на грузовики, стоявшие перед огромными воротами, над которыми красовалась надпись: "Руле и Ланглуа".

- Интересно, сколько их там? - подумал он вслух.

- Чего? - спросил Лапуэнт.

- Грузовиков.

- Каждый раз, когда я еду в деревню на машине, они мне попадают на дороге. Их чертовски трудно обогнать.

Трубы на крышах уже были не розовые, как утром, а темно-красные в лучах заходящего солнца, и небо приняло бледно-зеленый оттенок, почти тот зеленый цвет, который свойствен морю перед самым наступлением ночи.

- Вы думаете, шеф, что женщина способна проделать такую работу?

Он думал о худой темноволосой женщине, которая подавала им утром.

- Возможно. Откуда мне знать?

Может быть, Лапуэнт тоже считает, что это было бы слишком просто? Когда дело осложнялось и вопрос казался неразрешимым, все на Набережной, начиная с Мегрэ, становились брюзгливы и раздражительны. Если, напротив, случай, представлявшийся поначалу сложным, оказывался простым и банальным, те же инспектора и тот же комиссар не могли скрыть разочарования.

Они подошли к бистро. Из-за низкого потолка там было более темно, чем в других, и поэтому над стойкой уже горела лампа.

Женщина в том же платье, что утром, обслуживала двух посетителей, по виду служащих; она не вздрогнула, узнав Мегрэ и его спутника.

- Что будете пить? - спросила она.

- Белое.

За стойкой, в бачке из оцинкованного железа, стояло несколько незакупоренных бутылок этого вина. Очевидно, время от времени приходилось спускаться в погреб и наполнять их из бочки. Рядом со стойкой пол не был покрыт красными плитками, и виднелся люк, приблизительно метр на метр, который вел под землю.

Мегрэ и Лапуэнт не стали садиться. По замечаниям, которыми обменивались люди, стоявшие рядом с ними, они поняли, что это не служащие, а санитары, идущие на ночное дежурство в больницу Св. Людовика на той стороне канала. Один из них спросил у хозяйки тоном завсегда:

- Когда вернется Омер?

- Вы же знаете, он мне никогда об этом не говорит. Ответила она без замешательства, тем же безразличным тоном, каким утром говорила с Мегрэ. Рыжий кот все так же сидел около печки, от которой, казалось, и не отходил.

- Да, придется теперь полиции поискать голову! - сказал тот, кто задал вопрос.

Говоря это, он наблюдал за Мегрэ и его спутником. Может быть, он видел их утром у канала?

- Ее ведь не нашли, а? - продолжал он, обращаясь прямо к Мегрэ.

- Пока нет.

- Вы надеетесь, что ее найдут? Молчавший санитар не выдержал и спросил:

- Вы не комиссар Мегрэ?

- Он самый.

- Я так и думал. Я часто видел ваш портрет в газетах.

Женщина по-прежнему хранила спокойствие и, казалось, не слышала.

- Чудно, что на сей раз на куски разделали мужчину! Идем, Жюльен? Сколько с меня, мадам Калас?

Они вышли, слегка поклонившись Мегрэ и Лапуэнту.

- У вас много клиентов среди больничного персонала?

- Есть кое-кто.

- Ваш муж уехал в воскресенье вечером? Она посмотрела на него ничего не выражающими глазами и спросила все тем же равнодушным голосом:

- Почему в воскресенье?

- Не знаю. Я, кажется, так слышал...

- Он уехал в пятницу после обеда.

- В बारे было много народу, когда он уходил из дому?

Женщина, по-видимому, размышляла. Она выглядела до такой степени отсутствующей или безразличной к тому, что говорилось вокруг, что была похожа на лунатичку.

- После обеда никогда не бывает много народу.

- Вы никого не припомните?

- Нет... Не знаю. Не обратила внимания.

- Он взял с собой вещи?

- Конечно.

- Много?

- Свой чемодан.

- Как он был одет?

- Кажется, на нем был серый костюм.

- Вы знаете, где он сейчас?

- Нет.

- Вам известно, куда он поехал?

- Я знаю, что он должен был ехать поездом до Пуатье, а оттуда автобусом то ли в Сент-Обен, то ли в другую деревню.

- Он останавливается на постоялом дворе?

- Обычно.

- Ему не случалось ночевать у друзей или родных? Или у виноделов, которые поставляют ему вино?

- Я у него не спрашивала.

- Значит, если бы вам нужно было срочно вызвать его по делу, ну, если бы вы, например, заболели, вы не смогли бы его предупредить?

Эта мысль ее не удивила и не испугала.

- Он всегда в конце концов возвращался, - ответила она своим монотонным, тусклым голосом. - Повторить? Оба стакана были пусты, и она снова их наполнила.

3. Человек с велосипедом

В конечном счете это был один из самых бесплодных допросов Мегрэ. Впрочем, это не был допрос в полном смысле слова, поскольку жизнь маленького бара шла своим чередом. Комиссар и Лапуэнт стояли у стойки и пили вино как обычные посетители. Если один из санитаров только что узнал Мегрэ и произнес громко его имя, то сам комиссар, обращаясь к г-же Калас, ничем не намекнул на свои должностные функции. Он просто разговаривал с ней урывками о том о сем, и она, в свою очередь, когда он не обращался к ней, не уделяла ему особого внимания.

Когда хозяйка вышла через заднюю дверь, оставшуюся приоткрытой, в зале появился маленький старичок, который уверенно направился к угловому столику и взял из ящика коробку с домино.

Хозяйка услышала из задней комнаты стук костяшек домино, которые тот раскладывал, как бы собираясь играть сам с собой. Не поздоровавшись, она повернулась к своим бутылкам, налила рюмку розоватого аперитива и поставила ее перед посетителем. Не прошло и нескольких минут, как за тот же столик уселся другой маленький старичок, до того схожий с первым, что их можно было принять за братьев.

- Я опоздал?

- Нет. Это я пришел раньше.

Г-жа Калас налила в стакан аперитив другого сорта, все это делалось молча, как в пантомиме. По пути к столику она щелкнула выключателем, и в глубине зала зажглась вторая лампа.

- Она вас тревожит? - прошептал Лапуэнт на ухо Мегрэ.

То, что чувствовал комиссар, было не тревогой, а интересом, какого он уже давно не испытывал ни к одному человеку.

В молодости, мечтая о будущем, он воображал себе идеальную профессию, которой, к несчастью, не существовало в реальной жизни. Он никогда и никому об этом не проговорился, даже наедине с собой не произнес вслух этих двух слов: ему хотелось быть "устроителем судеб".

Любопытно, впрочем, что в его полицейской карьере ему не так уж редко приходилось возвращать людей, сбитых с пути превратностями жизни, на правильную дорогу. Еще любопытнее, что в последние годы появилась профессия, отчасти похожая на ту, которую он некогда воображал, - профессия психоаналитика, который стремится раскрыть в человеке его подлинную индивидуальность. Так вот, если кто-то был совершенно явно не на своем месте, так это женщина, которая молча двигалась по комнате, и никто не мог угадать ни ее мыслей, ни ее чувств.

Правда, он уже раскрыл один из ее секретов, если это только можно было назвать секретом. Хозяйка опять удалилась в заднюю комнату, и во второй раз комиссар отчетливо расслышал скрип пробки в бутылочном горлышке.

Она пила. Он поклялся бы, что она никогда не бывает пьяной до потери самоконтроля. Как все истинные алкоголики, для которых медицина бессильна, она знала свою меру и поддерживала в себе определенное состояние, то сомнамбулическое равнодушие, которое заинтриговало его с первого взгляда.

- Сколько вам лет? - спросил он у Калас, когда она снова подошла к стойке.

- Сорок один.

Она ответила без колебаний, без кокетства или горечи, зная, что выглядит старше. Без сомнения, она уже давно не жила для других и не интересовалась их мнением. У нее было увядшее лицо, темные круги под глазами, опущенные углы рта и дряблые складки кожи на шее. Она, должно быть, похудела, и платье, ставшее слишком широким, висело на ней.

- Вы родились в Париже?

- Нет.

Он был уверен, что она угадывает, что стоит за его вопросами, но она не старалась уклониться от них, не говоря в то же время ни одного лишнего слова.

Два старичка позади Мегрэ продолжали партию в домино, как они это делали, должно быть, ежедневно в послеобеденное время.

Комиссара сбивало с толку то, что Калас пила тайно. Если она не заботится о людском мнении, к чему ей скрываться каждый раз в заднюю комнату, чтобы выпить стакан спиртного или глотнуть из горлышка?

Может быть, ответ на этот вопрос есть? Ведь существует муж, Омер Калас. Может быть, он запрещает жене пить, во всяком случае при клиентах?

- Ваш муж часто ездит за вином в окрестности Пуатье?

- Каждый год.

- Один раз?

- Или два. Смотря как.

- От чего это зависит?

- Сколько вина выпьют.

- Он всегда уезжает в пятницу?

- Я не обращала внимания.

- Он объявил о своем намерении поехать?

- Кому?

- Вам.

- Он никогда не говорит мне о своих намерениях.

- Ну, может быть, клиентам, приятелям?

- Не знаю.

- Эти двое были здесь в прошлую пятницу?

- Не в то время, когда Омер уезжал. Они всегда приходят в пять часов.

Мегрэ обернулся к Лапуэнтю:

- Позвони на вокзал Монпарнас и спроси, какие поезда идут во второй половине дня на Пуатье. Вызови комиссара вокзальной полиции.

Мегрэ говорил, понизив голос, но если бы хозяйка следила за его губами, она могла бы угадать слова.

- Попроси его навести справки у вокзальных служащих, особенно в кассах. Сообщи приметы Каласа.

Телефонная cabina здесь помещалась не в глубине зала, как обычно, а возле входа. Лапуэнт попросил жетон и направился к застекленной двери. На улице уже стемнело, наплывал голубоватый сумрак. Мегрэ стоял спиной к двери и резко обернулся, услышав, как сорвался с места Лапуэнт. Ему показалось, что он увидел бегущего по тротуару человека, молодое лицо которого в полумраке было бледным и бесформенным.

Лапуэнт повернул дверную ручку и тоже бросился бегом в сторону бульвара Ла Виллет. Он не успел закрыть за собой дверь, и Мегрэ тоже выскочил на тротуар. Вдали он едва различил два бегущих силуэта, тотчас исчезнувших, но стремительный топот еще раздавался некоторое время.

Лапуэнт, наверное, узнал кого-то за дверью. Хотя Мегрэ не успел почти ничего увидеть, ему казалось, что он понял. Только что промелькнувший человек соответствовал описанию того парня на велосипеде, который уже удирал утром при приближении полицейского, когда водолаз работал на дне канала.

- Вы знаете его? - спросил он у хозяйки бара.

- Кого?

Настаивать было бесполезно. Впрочем, возможно, в тот момент она и не смотрела в сторону улицы.

- Здесь всегда так спокойно?

- Когда как. Зависит от дня. И от часа. Словно подтверждая ее слова, послышался гудок, возвещавший о конце рабочего дня на окрестных верфях. Еще через несколько минут за дверью раздались голоса, она открылась, закрылась и еще открывалась раз десять, пока люди усаживались за столики либо останавливались, как Мегрэ, у стойки.

У многих хозяйка не спрашивала, что им подать, и молча ставила перед ними их обычный напиток.

- Омер дома?

- Нет.

Она не прибавляла: "Он в отъезде" или "Он уехал в пятницу в Пуатье". Она ограничивалась тем, что отвечала на вопрос без всяких подробностей. Из какой семьи она родом? Мегрэ чувствовал себя неспособным даже высказать предположение. Прожитые годы обесцветили ее и как бы отняли у нее часть ее самой. Благодаря алкоголю она жила в своем особом мире и лишь отчасти соприкасалась с миром реальным.

- Вы уже давно живете здесь?

- В Париже?

- Нет. В этом кафе.

- Двадцать четыре года.

- Ваш муж владел им еще до знакомства с вами?

- Нет.

Он мысленно подсчитал:

- Вам было семнадцать лет, когда вы с ним встретились?

- Я его знала еще раньше.

- Сколько ему сейчас?

- Сорок семь.

Это не вполне соответствовало возрасту, установленному доктором Полем, но разница была не столь уж велика. Мегрэ, впрочем, продолжал задавать вопросы скорее из любопытства, чем по долгу службы. Уж слишком бы не правдоподобно было, если бы в первый же день случай помог ему без всякого труда разобраться в загадке безголового тела.

Дым сигарет образовал нечто вроде пелены, колышущейся над головами, в зале стоял гул от разговоров. Одни выходили, другие входили. Игроки в домино невозмутимо продолжали свое занятие, как если бы вокруг никого не было.

- У вас есть фотография мужа?

- Нет.

- Ни одной?

- Нет.

- А ваша?

- Тоже нет. Только на удостоверении личности. Мегрэ знал по опыту, что такое встречается один раз из тысячи - чтобы у человека не было собственной фотографии.

- Вы живете на верхнем этаже?

Она кивнула. С улицы он отметил, что в доме всего два этажа. Над кафе и кухней были, наверно, две-три, скорее всего две, комнаты и туалет или кладовая.

- Как вы туда поднимаетесь?

- По лестнице, что на кухне.

Она отправилась на кухню спустя минуту и на этот раз что-то мешала там ложкой на плите.

Дверь с шумом распахнулась, и Мегрэ увидел разгоряченного, запыхавшегося Лапуэнта, который вел перед собой молодого парня.

Малыш Лапуэнт, которого так называли на Набережной не из-за его роста, а потому, что он был самый молодой и по возрасту, и по стажу, еще никогда не был так горд собой.

- Ну и погонял же он меня! - провозгласил он со смехом, протягивая руку к оставленному на стойке стакану. - Несколько раз я уже думал, что он улепетнет. Хорошо, что в лицее я был чемпионом в беге на пятьсот метров.

Парень тоже выбился из сил и шумно дышал.

- Я ничего не сделал! - заявил он, повернувшись к Мегрэ.

- Значит, тебе нечего бояться.

Комиссар посмотрел на Лапуэнта:

- Документы у него взял?

- Его удостоверение личности у меня в кармане. Он работает разносчиком-велосипедистом в торговой фирме Пенсемайль. Это он сегодня утром был на набережной и удирал во весь дух.

- Почему? - спросил Мегрэ у парня. Тот казался упрямым, как многие юнцы, которые хотят прослыть отпетыми ребятами.

- Не хочешь отвечать?

- Мне нечего говорить.

- Ты ничего не вытянул из него по дороге? - спросил Мегрэ у Лапуэнта.

- Мы чересчур запыхались, чтобы много говорить. Его зовут Антуан Кристен. Ему восемнадцать, и он живет с матерью на улице Фобур-Сен-Мартен.

Некоторые из посетителей наблюдали эту сцену, но чрезмерного любопытства не обнаруживали: в этом квартале полиция появлялась достаточно часто.

- Что ты делал на тротуаре?

- Ничего.

- Он прилип лицом к стеклу, - объяснил Лапуэнт. - Как только я его заметил, я вспомнил, что нам рассказал Жюдель, и бросился на улицу.

- Почему ты убежал, раз ты не сделал ничего плохого?

Он поколебался, удостоверился, что по крайней мере двое из окружающих людей слушают, и произнес дрожащими губами:

- Потому что не люблю шпигов.
- Но следишь за ними через дверь?
- Это не запрещается.
- Откуда ты знал, что мы здесь?
- Я не знал этого.
- Тогда почему же ты пришел?

Он покраснел и прикусил толстую губу.

- Отвечай.
- Шел мимо.
- Омера знаешь?
- Никого я не знаю.
- И хозяйку тоже?

Та снова была за стойкой и смотрела на них, причем на лице ее нельзя было прочесть ни малейшего страха или опасения.

Она была более сильной натурой, чем любой из обвиняемых или свидетелей, которых приходилось встречать Мегрэ.

- Ты не знаешь ее?
- Только в лицо.
- Ты никогда не приходил сюда выпить стаканчик?
- Может, и приходил.
- Где твой велосипед?

- У хозяина. Я кончил работу в пять часов. Мегрэ сделал Лапуэнту знак, который тот понял: это был один из условных знаков, принятых в уголовной полиции. Инспектор вошел в телефонную кабину, вызвал полицейский участок, находившийся напротив, по ту сторону канала, и услышал в трубке голос Жюделя.

- Мальчишка здесь, у Каласа. Через несколько минут шеф его отпустит, но нужно, чтобы кто-нибудь пошел за ним. Ничего нового?

- Все следы сложные или такие, которые никуда не ведут: драки в четырех или пяти кафе в воскресный вечер; кому-то показалось, что он слышал звук тела, падающего в воду; одна проститутка утверждает, что какой-то араб украл у нее сумочку.

Мегрэ невозмутимо стоял рядом с парнем.

- Чего выпьешь, Антуан? Вина? Пива?
- Ничего.
- Ты никогда не пьешь?
- Не со шпигами. И вам придется меня отпустить.
- А ты выглядишь уверенным в себе.
- Я знаю закон.

У него была широкая кость и свежее крепкое тело молодого крестьянина, которого Париж еще не лишил здоровья. Сколько раз Мегрэ приходилось встречать вот таких ребят, которые однажды вечером приканчивали торговку табаком или старуху бакалейщицу из-за каких-то нескольких сот франков.

- У тебя есть братья и сестры?

- Нет, я один.

- Отец живет с вами?

- Он умер.

- Мать работает?

- Она прислуга.

Мегрэ повернулся к Лапуэнтю:

- Отдай ему удостоверение. Адрес на нем подлинный?

- Да.

Мальчишка все еще не мог поверить, что это не ловушка.

- Я могу идти?

- На все четыре стороны.

Он не сказал ни “спасибо”, ни “до свидания”, но комиссар перехватил его беглый взгляд, адресованный хозяйке.

- Теперь звони на вокзал.

Мегрэ заказал еще два стакана белого. Кафе снова почти опустело. Кроме комиссара и Лапуэнта оставалось всего пять посетителей, включая игроков в домино.

- Я полагаю, вы его не знаете?

- Кого?

- Молодого человека, который только что ушел. Она ответила не колеблясь:

- Знаю.

Это было сказано так просто, что Мегрэ стал в тупик.

- Он часто здесь бывает?

- Довольно часто.

- Чтобы выпить?

- Он почти не пьет.

- Пиво?

- И вино иногда.

- Он приходит после работы?

- Нет.

- Днем?

Она кивнула; ее неизменное спокойствие стало в конце концов раздражать комиссара.

- Когда едет мимо, - добавила женщина.

- Вы хотите сказать, когда ему случается проезжать на велосипеде по набережной? Иначе говоря, когда у него есть работа в вашем квартале?

- Да.

- В каком часу это обычно бывает?

- В половине четвертого или в четыре.

- У него есть регулярный маршрут?

- Наверно.

- Где он обычно сидит?

- Вот здесь. Возле меня.

- Вы очень дружны?
- Да.
- Почему он не признался в этом?
- Наверно, для форсу.
- У него есть привычка форсить?
- Он старается.
- Вы знаете его мать?
- Нет.
- Просто он пришел однажды, и вы завязали знакомство?
- Да.
- В половине четвертого ваш муж обычно ходит в ресторан играть на бильярде?
- Чаще всего.
- Вы считаете, что Антуан случайно выбирает это время для визитов к вам?
- Я не думала об этом.

Мегрэ сознавал явную нелепость вопроса, который собирался задать.

- Он ухаживает за вами?
- Смотря по тому, что вы под этим понимаете.
- Влюблен?
- Думаю, что он меня любит.
- - Вы делаете ему подарки?
- Иной раз сую ему бумажку, которую беру в кассе.
- Ваш муж это знает?
- Нет.
- Он не догадывался об этом?
- Бывало.
- Сердился?
- Да.
- Он подозревал Антуана?
- Не думаю.

Лапуэнт все еще был в кабине и разговаривал с вокзалом Монпарнас.

- Скажите, госпожа Калас, могу я задать вам более личный вопрос?
- Вы же все равно сделаете как захотите.
- Антуан ваш любовник? Она не дрогнула.
- Бывало, - проронила она.
- Вы хотите сказать, что находитесь с ним в связи?
- Вы все равно это узнали бы. Уверена, что скоро об этом заговорят.
- Часто это случалось?
- Нередко.
- Где?

Мегрэ было важно это знать. Когда Омер Калас отсутствовал, посетителей должна была обслуживать его жена. Комиссар взглянул вверх. Могла ли она слышать из комнаты на втором этаже, как отворяется и затворяется дверь?

Все с тем же безразличием она показала глазами на полуоткрытую дверь в глубине зала.

- Там?

- Да.

- Вас никогда не заставляли врасплох?

- Не Омер.

- А кто?

- Один посетитель, у которого были ботинки на каучуке. Он не увидел никого в зале и пошел на кухню.

- Он сказал что-либо?

- Он засмеялся.

- Он не говорил об этом Омеру?

- Нет.

- Он приходил снова?

Этот вопрос возник интуитивно.

- Он часто приходил еще? - настаивал он.

- Раза два-три.

- Когда здесь был Антуан?

- Нет.

Было легко узнать, в кафе ли Антуан: ранее пяти часов он должен был оставлять перед дверью свой велосипед.

- Вы были одна?

- Да.

- Вам приходилось ходить с ним на кухню? У Мегрэ было впечатление, что в ее глазах пробежала искра еле уловимой иронии. Не ошибся ли он?

- К чему меня спрашивать, раз вы поняли? Она тоже поняла комиссара. Оба они, казалось, мыслили одинаково, точнее говоря, имели одинаковый жизненный опыт.

Это произошло так мгновенно, что секунду спустя комиссар поклялся бы, что это игра его воображения.

- Много было других? - спросил он тихо, словно по секрету.

- Несколько.

Тогда, не меняя позы, не наклоняясь к ней, он задал последний вопрос:

- Почему?

На этот вопрос она ответила только неопределенным жестом. Она не принимала романтических поз, не создавала загадок вокруг своей особы. Мегрэ спросил у нее - почему, и если сам этого не понимал, ей нечего было ему объяснять. Будет ли она так же откровенно отвечать на вопросы о своем прошлом?

Он не мог это проверить теперь же: вернулся Лапуэнт. Отхлебнув глоток вина, инспектор начал:

- Есть один поезд на Пуатье по будним дням, в четыре сорок восемь. Комиссар вокзальной полиции уже опросил двух служащих, но они не видели никого, кто соответствовал бы названным приметам. Он будет продолжать поиски и сообщит вам результат. Однако считает, что надежнее было бы позвонить в Пуатье. Так как поезд делает по дороге несколько остановок и далее следует на юг, в Пуатье выходит меньше пассажиров, чем садится на вокзале Монпарнас.

- Передай это Люкасу. Пусть позвонит в Сент-Обен и ближайшие деревни. Там где-то должен быть полицейский пост. Есть также постоянные дворы.

Лапуэнт попросил еще несколько жетонов, и г-жа Калас равнодушно протянула их. Она ни о чем не спрашивала и, кажется, находила естественным, что ее расспрашивают о поездке мужа. Ей, однако, было известно о находке в канале Сен-Мартен и о поисках, которые целый день продолжались почти под ее окнами.

- Вы видели Антуана в последнюю пятницу?

- Он никогда не приходит по пятницам.

- Почему?

- Потому что у него другой маршрут.

- Но после пяти часов?

- Мой муж почти всегда уже дома.

- Он не приходил ни после обеда, ни вечером?

- Нет.

- Вы двадцать четыре года замужем за Омером Каласом?

- Я живу с ним двадцать четыре года.

- Вы не состоите с ним в браке?

- Состою. Мы зарегистрировались в мэрии Десятого округа, но только шестнадцать или семнадцать лет назад. Мне нужно сосчитать.

- У вас есть дети?

- Дочь.

- Она живет здесь?

- Нет.

- В Париже?

- Да.

- Сколько ей лет?

- Только что исполнилось двадцать четыре. Она родилась, когда мне было семнадцать.

- Это дочь Омера?

- Да.

- Без всякого сомнения?

- Без всякого.

- Она замужем?

- Нет.

- Живет одна?

- У нее квартира на острове Сен-Луи.

- Работает?

- Она ассистентка профессора Лаво, одного из хирургов больницы Отель-Дье.

В первый раз она ответила больше, чем это было строго необходимо. Уж не сохраняла ли она, несмотря ни на что, некоторые общие всем людям чувства, например гордость за дочь?

- Вы видели ее в прошлую пятницу?

- Нет.

- Она навещает вас?

- Иногда.
 - Когда она была в последний раз?
 - Недели три назад, быть может, месяц.
 - Ваш муж был здесь?
 - Как будто.
 - Ваша дочь с ним ладит?
 - Она старается как можно меньше общаться с нами.
 - Она что, стыдится?
 - Наверное.
 - В каком возрасте она оставила дом? Теперь ее щеки чуть порозовели:
 - В пятнадцать лет. Голос ее звучал суше.
 - Не предупредив вас? Она утвердительно кивнула.
 - С мужчиной? Она пожала плечами:
 - Не знаю. Это ничего не меняет. В зале остались теперь только игроки в домино, которые укладывали фишки в коробку и стучали монетой по столу. Г-жа Калас поняла и пошла налить их стаканы.
 - Это не Мегрэ? - спросил вполголоса один из них.
 - Да.
 - Что ему от вас нужно?
 - Он не сказал.
- Точно так же, как и она его об этом не спросила. Она направилась на кухню, вернулась в бар и объявила:
- Когда вы кончите, я пойду поем.
 - Где вы обычно едите?
- Она указала на один из столиков в глубине зала.
- Я сейчас кончаю. У вашего мужа не было приступа аппендицита несколько лет назад?
 - Тому лет пять-шесть? Ему делали операцию.
 - Кто?
 - Сейчас вспомню. Доктор Гран... Гранвале. Ну да! Он жил на бульваре Вольтер.
 - Он там больше не живет?
 - Умер. Во всяком случае, так нам сказал один посетитель, которому он тоже делал операцию.
- Если бы Гранвале был жив, он мог бы сообщить, был или не был на животе у Омера Каласа дугообразный след дроби. Надо будет завтра разузнать у ассистентов и сиделок. Если только, разумеется, в одной из деревень возле Пуатье не обнаружится живой Калас.
- Не попадал ли в вашего мужа когда-то, много лет назад, заряд охотничьей дроби?
 - С тех пор как я его знаю, нет.
 - Он не был охотником?
 - Может, ему и случалось охотиться, когда он жил в деревне.
 - Вы никогда не видели у него на животе не очень заметные шрамы, расположенные в виде дуги?
- Она старалась вспомнить, нахмурила брови и наконец отрицательно покачала головой.
- Вы уверены?

- Я уже давно не видела его так близко.
- Вы любили его?
- Не знаю.
- Сколько времени он был вашим единственным мужчиной?
- Годы.

Она вложила в это слово особый оттенок.

- Вы познакомились очень молодыми?
- Мы из одной деревни.
- Откуда?
- Деревушка на полпути между Монтаржн и Жьеном, она называлась Буассанкур.
- Вы никогда больше не приезжали туда?
- Нет.
- С того времени, как сошлись с Омером?
- Мне было семнадцать, когда я уехала.
- Вы были беременны?
- На шестом месяце.
- Люди об этом знали?
- Да.
- Ваши родители тоже?

Все с той же простотой, в которой было нечто от галлюцинации, она сухо проронила:

- Да.
- Вы их больше не видели?
- Нет.

Лапуэнт, закончивший инструктировать Люкаса, вышел из кабины, утирая платком пот.

- Сколько я должен? - спросил Мегрэ. Она задала свой первый вопрос:
- Вы уходите?

И теперь он, в свою очередь, односложно ответил:

- Да.

4. Человек на крыше

Сидя перед следователем Комельо, Мегрэ не сразу решился - что с ним случилось не часто - вынуть из кармана трубку; наконец, как бы машинально и сохраняя самое невинное выражение лица, все-таки достал ее.

Несколько минут назад, после короткого доклада начальнику, комиссар прошел через небольшую дверь, отделявшую во Дворце правосудия помещения уголовной полиции от прокуратуры. Все скамьи в коридоре следователей были в этот час заняты, так как во двор недавно въехали две "салатницы", как здесь называют тюремные машины. Большинство тех, кто дожидался, сидя в наручниках между двух конвойных, были знакомы Мегрэ, и некоторые приветливо кланялись ему, пока он шел по коридору.

Следователь Комельо накануне несколько раз звонил комиссару. Это был худой, нервный человек, с черными, должно быть, крашеными, усиками и выправкой кавалерийского офицера. Первое, что он сказал Мегрэ, было:

- Изложите мне точно ход дела.

Комиссар послушно принялся перечислять находки, сделанные Виктором на дне канала Сен-Мартен; когда он упомянул, что голова так и не найдена, Комельо прервал его:

- Водолаз продолжает поиски?

- Я счел это бесполезным.

- Однако если туловище и конечности найдены в канале, то и голова должна быть где-то неподалеку.

Такие вот замечания и превращали служебные встречи с Комельо в сущее мучение для Мегрэ. Этот следователь не был единственным в своем роде, просто он наиболее полно воплощал в себе тип службиста, к которому комиссар питал глубокую антипатию. Его нельзя было считать дураком в общепринятом смысле; кто-то из адвокатов, кончавший курс вместе с Комельо, утверждал даже, что тот был одним из самых блестящих студентов своего выпуска.

Скорее всего, ум его просто был не способен примениться к некоторым сторонам реальной жизни. Он принадлежал к замкнутому кругу крупной буржуазии, с ее окостенелыми принципами и предрассудками, и не мог не судить обо всем с точки зрения этих принципов и предрассудков.

Комиссар терпеливо разъяснял:

- Прежде всего, господин следователь, Виктор знает этот канал, как вы или я знаем свои кабинеты. Он прошел по дну не менее двухсот раз, осмотрел его метр за метром. Он добросовестный малый, и если он говорит, что головы там нет...

- Мой водопроводчик тоже неплохо знает свое дело и слышит добросовестным малым. Это не мешает ему каждый раз, когда я его вызываю, доказывать, что в трубах не может быть никакой неисправности.

- Кроме того, в случаях, аналогичных нашему, редко бывает, что голову находят там же, где тело.

Комельо пытался понять; его острые глазки не отрывались от Мегрэ, пока тот продолжал:

- Объясняется это так. Насколько трудно установить, кому принадлежали разрозненные части тела - особенно, если они пробыли некоторое время в воде, - настолько легко опознать голову. Поэтому логично предположить, что тот, кто хотел от нее отделаться, мог потрудиться и отнести ее подальше.

- Предположим.

Мегрэ незаметно вынул левой рукой кисет с табаком и ждал, когда внимание его собеседника отвлечется, чтобы набить трубку.

Теперь комиссар стал рассказывать о г-же Калас и बारे на набережной Вальми.

- Как вы туда попали?

- Случайно, честно говоря. Мне нужно было позвонить, а в ближайшем баре телефон был возле стойки и без кабины.

- Продолжайте.

Мегрэ упомянул об отъезде Каласа, о поезде на Пуатье, об отношениях хозяйки с рассыльным Антуаном Кристеном и о шрамах в форме полумесяца.

- Итак, эта женщина утверждает, что ей неизвестно, были или не были у ее мужа эти шрамы? И вы ей поверили?

Одна мысль об этом возмущала Комельо.

- Если говорить откровенно, Мегрэ, я не понимаю, почему вы не вызвали эту женщину и рассыльного к себе в кабинет для допроса, которые обычно у вас проходят успешно? Вы же, я думаю, не поверили ни слову из того, что она вам рассказала?

- Я не был бы столь категоричен.

- Утверждать, что она не знает, куда уехал ее муж и когда вернется!..

Мог ли такой Комельо, живший в привилегированном квартале, в квартире с окнами на Люксембургский сад, разбираться в психике каких-то Каласов?

Тем временем Мегрэ улучил момент и чиркнул спичкой: трубка его задымилась. Комельо, не выносивший табака, тотчас устремил на трубку пристальный взгляд, что он делал всегда, когда кто-нибудь осмеливался закурить у него в кабинете, но комиссар твердо решил сохранять безмятежный вид.

- Возможно, она говорила не правду, - уступил он. - Возможно также, что это была правда. Мы выудили из канала куски безголового тела. Речь может идти о любом человеке от сорока пяти до пятидесяти пяти лет. Ничто пока не позволяет нам установить, чье это тело. Сколько человек такого возраста исчезло за последние дни и сколько уехало, не сообщив точно, куда они едут? Могу ли я вызывать к себе госпожу Калас и обращаться с ней как с подозреваемой только потому, что у нее есть привычка пить тайком и ее любовник - молодой человек, который развозит товары на велосипеде и убегает при виде полиции? Как мы будем выглядеть, если завтра или через час где-либо отыщется голова и окажется, что это не Калас?

- Вы установили наблюдение за ее домом?

- Жюдель, из Десятого округа, поставил на набережной одного человека. Вчера вечером, после ужина, я прогулялся в тех местах.

- Что-нибудь обнаружили?

- Ничего существенного. Я расспросил нескольких уличных девиц, которые попались мне навстречу. Ночью в этом квартале все выглядит иначе, чем днем. Мне особенно хотелось выяснить, не заметил ли кто-нибудь из них подозрительных хождений туда-сюда вблизи кафе в пятницу вечером и не слышал ли чего.

- Что-нибудь узнали?

- Не бог весть что. От одной женщины я все-таки узнал кое-что новое, только не успел еще это проверить.

Она сказала, что у жены Каласа есть другой любовник, человек средних лет, рыжий, который не то живет, не то работает в этом квартале. По правде говоря, особа, рассказавшая мне об этом, страшно зла на хозяйку бара за то, что она наносит ущерб подругам по ремеслу. "Если бы она еще брала деньги, - сказала мне эта девица, - никто не стал бы ее осуждать. Но с нею все обходится даром. В случае необходимости мужчины знают, куда обращаться. Надо только подождать, чтобы отвернулся хозяин. Я, конечно, сама не видела, но все говорят, что она никому не отказывает".

Комельо только горестно вздыхал, слушая все эти откровения.

- Действуйте, как считаете нужным, Мегрэ. Мне лично все кажется вполне ясным. С подобными людьми незачем слишком церемониться.

- Сейчас я снова иду туда, - закончил Мегрэ. - Мне надо также увидеть ее дочь. Наконец, я надеюсь получить кое-какие сведения от медсестер, которые присутствовали при операции аппендицита Каласу.

В этой операции была одна любопытная деталь. Накануне вечером, когда Мегрэ бродил по кварталу, он заглянул на минуту в бистро. Г-жа Калас дремала, сидя на стуле, четверо клиентов играли в карты. Мегрэ спросил у нее, в какой больнице оперировали ее мужа.

Насколько Мегрэ было известно, Калас был крепким мужчиной, его трудно было представить мнительным неженкой, трясущимся над своим здоровьем. Ему нужна была самая обычная операция, не тяжелая и не рискованная. Так вот, вместо того чтобы обратиться в городскую

больницу, Калас истратил значительную сумму на частную клинику в Вильжоифе. Причем это была не просто частная клиника. Ее содержали монахини, работавшие там медсестрами.

Сейчас там находился Лапуэнт, который должен был вскоре позвонить комиссару.

- Никакой снисходительности, Мегрэ! - отчеканил Комельо, когда комиссар шел к двери.

Дело было совсем не в снисходительности. Дело было и не в жалости, но разве это объяснишь такому вот Комельо? С каждой минутой Мегрэ все больше погружался в мир, столь непохожий на повседневный, что комиссар продвигался там как бы ощупью. Существовала ли какая-либо связь между маленьким баром на набережной Вальми и телом, брошенным в канал Сен-Мартен? Это было возможно, как возможно было и простое совпадение.

Мегрэ вернулся к себе в кабинет. Он становился все более угрюмым и ворчливым: на известном этапе розыска это происходило с ним почти всегда. Накануне он только искал и собирал факты, не спрашивая себя, к чему это приведет. Теперь в его руках были обрывки истины, а он не знал, как их связать друг с другом.

Г-жа Калас была уже не только живописным персонажем, какие иногда встречались ему. Теперь в его глазах она являла собой человеческую проблему.

Для Комельо она была просто пьяной потаскухой, путавшейся с первым встречным. Для Мегрэ - чем-то иным. Он не знал еще точно, чем именно.

И оттого, что он не знал, не чувствовал истины, его все больше охватывало смутное недовольство.

Вошел Люкас, принес почту.

- Ничего нового?

- Вы были где-то неподалеку, шеф?

- У Комельо.

- Если бы я знал, я позвонил бы вам по внутреннему телефону. Есть новости. Жюдель в полном смятении.

Мегрэ тотчас подумал о г-же Калас и спросил себя, что с ней, но дело оказалось в другом.

- Жюдель говорил о молодом человеке, Антуане, если я правильно понял.

- Правильно, Антуан. Он что, опять исчез?

- Вот именно. Вы, кажется, вчера вечером приказали следить за ним. Молодой человек вернулся прямо к себе домой на Фобур-Сен-Мартен, почти на углу улицы Луи-Блан. Инспектор, которому Жюдель поручил следить за ним, расспросил консьержку. Парень живет вместе с матерью, которая работает прислугой, на восьмом этаже. Они занимают две комнатки в мансарде. Лифта нет. Я повторяю эти детали так, как мне их передал Жюдель. Дом, видимо, из числа тех жутких громадных зданий, в которых набито по пятьдесят - шестьдесят семей и где на всех лестницах кишит детвора.

- Продолжай.

- Да это почти все. По словам консьержки, мать парня женщина порядочная и мужественная. Муж ее умер в санатории. Она тоже болела туберкулезом. Говорит, что вылечилась, но консьержка этому не верит. Что касается инспектора, он попросил по телефону инструкций у Жюделя. Жюдель не захотел рисковать и приказал инспектору следить за домом. Тот до полуночи был на улице, а потом вошел, с последними жильцами, и провел ночь на лестнице.

Утром, незадолго до восьми, консьержка указала ему на проходившую мимо худую женщину и сказала, что это мать Антуана. Инспектору незачем было вступать с ней в разговор или идти за ней следом. Через полчаса он решил, от нечего делать, подняться на восьмой этаж.

Ему показалось странным, что парень не вышел из комнаты, чтобы идти на работу. Он прижался ухом к двери, ничего не услышал, постучал. Наконец заметил, что замок самый простой, и открыл дверь отмычкой.

В первой комнате, она же кухня, он увидел постель матери. В соседней комнате была другая постель, мягкая, но никого не было, и окошко на крышу было открыто.

Жюдель не может себе простить, что заранее не подумал об этом. Ясно, что парень ночью вылез из окна и отправился по крышам на поиски другого открытого окна. Он, наверное, спустился на улицу через дом по улице Луи-Блан.

- Точно известно, что его нет в доме?

- Они опросили всех жильцов. Мегрэ представил себе ироническую улыбку следователя Комельо, узнавшего эту новость.

- Лапуэнт еще не звонил?

- Нет.

- В Институт судебной медицины для опознания тела кто-нибудь явился?

- Как обычно.

Обычно человек двенадцать, главным образом пожилые женщины, каждый раз бросались опознавать найденное тело.

- Доктор Поль не звонил?

- Я только что положил его заключение вам на стол.

- Если позвонит Лапуэнт, скажи, чтобы он возвращался на Набережную и ждал меня. Я скоро вернусь.

Мегрэ отправился пешком к острову Сен-Луи, обошел собор Нотр-Дам, пересек Сену по железному мостику и через несколько минут очутился на узкой и людной улице. Был час, когда хозяйки закупают съестное для обеда, и комиссару приходилось проталкиваться в толпе женщин с маленькими тележками. Мегрэ отыскал бакалейный магазинчик, над которым жила, по словам г-жи Калас, ее дочь, Люсетта. Обогнув лавку, он вошел в неровно замощенный двор с липой посередине, что делало его похожим на двор не то сельской школы, не то церкви.

- Кого вы ищете? - крикнул ему женский голос из окна первого этажа.

- Мадмуазель Калас.

- Четвертый этаж налево, но ее нет дома.

- Вы не знаете, когда она вернется?

- Она редко приходит в обеденный перерыв. Обычно возвращается в половине седьмого. Если вам срочно, можете спросить ее в больнице.

Отель-Дье, старейшая больница Парижа, где работала Люсетта Калас, находилась поблизости. Однако проникнуть в отделение профессора Лаво оказалось не так-то просто: был самый разгар рабочего дня, по коридорам взад и вперед сновали мужчины и женщины в белых халатах, санитары катили носилки, неуверенно брели и исчезали в дверях больные.

- Будьте добры, могу я видеть мадмуазель Калас? Но на Мегрэ никто не обращал внимания.

- Не знаем такой. Это больная? Или ему показывали в глубь коридора:

- Пройдите туда.

Несколько раз посылали в противоположные стороны, пока он не попал в неожиданно тихий коридор, где за маленьким столиком сидела девушка.

- Позовите, пожалуйста, мадмуазель Калас.

- По личному делу? Как вы сюда попали? По-видимому, он проник в места, недоступные для простых смертных. Мегрэ назвал себя и даже показал полицейский значок - до такой степени он ощущал здесь свою незначительность.

- Посмотрю, сможет ли она выйти. Боюсь, что она сейчас в операционной.

Ему пришлось ждать минут десять, курить он не осмелился. Девушка вернулась в сопровождении медсестры, довольно высокого роста, со спокойным и ясным лицом.

- Это вы хотели со мной говорить?

Чистая и светлая больничная обстановка, белый халат и шапочка разительно контрастировали с баром на набережной Вальми.

- Я комиссар Мегрэ из уголовной полиции. Люсетта Калас удивленно, но не испуганно, смотрела на него, ничего не понимая.

- Вы именно меня хотели видеть?

- Ведь это ваши родители живут на набережной Вальми?

Комиссар заметил, что в глазах ее на мгновение появился холодный блеск:

- Да. Но я...

- Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

- Сейчас я буду нужна профессору. Он делает обход больных и...

- Я отниму у вас всего несколько минут. Она подумала, огляделась и указала на приоткрытую дверь:

- Можно зайти сюда.

В комнате было два стула, складная кровать и какие-то неизвестные Мегрэ инструменты, очевидно, хирургические.

- Давно ли вы виделись с родителями? Он отметил, что она чуть дрогнула при слове "родители".

- Я стараюсь бывать там как можно реже.

- Почему?

- Вы их видели?

- Я видел вашу мать.

Она ничего не добавила, видимо, считая объяснения излишними.

- Вы на них сердиты?

- Разве я могу сердиться на них за то, что они произвели меня на свет?

- Вы не были там в прошлую пятницу?

- В этот день меня не было в Париже. Это мой выходной, и я ездила с друзьями за город.

- Значит, вы не знаете, что ваш отец уехал?

- Почему бы вам не объяснить мне с самого начала причину? Вы спрашиваете меня о людях, которые официально считаются моими родителями, но они уже давно чужие для меня. А в чем, собственно, дело? С ними что-нибудь случилось?

Она закурила сигарету, заметив:

- Здесь можно курить. По крайней мере сейчас. Но комиссар не воспользовался приглашением.

- А если бы что-нибудь случилось с одним из них? Вы удивились бы?

Она посмотрела ему в глаза и отрезала:

- Нет.

- Что же, например, могло бы случиться?

- Что Калас забил до смерти мою мать. Она сказала не “отец”, а “Калас”.
 - Он часто ее бьет?
 - Не знаю, как теперь. Раньше - почти каждый день.
 - И ваша мать молчала?
 - Она только опускала голову под ударами. Я спрашивала себя: может, ей это нравится?
 - Что еще могло бы произойти?
 - Что она решится подлить ему яду в суп.
 - Она его ненавидит?
 - Я знаю только, что вот уже двадцать четыре года она живет с ним и не пытается от него уйти.
 - Она несчастна, по-вашему?
 - Видите ли, господин комиссар, я стараюсь вообще об этом не думать. Ребенком я мечтала только об одном - уйти оттуда. И как только смогла это сделать, ушла.
 - Вам было пятнадцать лет, я знаю.
 - Кто вам об этом сказал?
 - Ваша мать.
 - Значит, она жива.
- Она подумала и подняла голову:
- Тогда он?
 - Что вы хотите сказать?
 - Она его отравила?
 - Вряд ли. У нас даже нет точных данных, что с ним произошло несчастье. Ваша мать говорит, что он уехал в пятницу, после полудня, в окрестности Пуатье, где обычно закупает белое вино.
 - Верно. Эти поездки были еще при мне.
 - Так вот, из канала Сен-Мартен вытащили мертвое тело. Возможно, это он.
 - Никто его не опознал?
 - Пока никто. Опознать его трудно, потому что мы не нашли голову.
- Люсетта даже не вздрогнула при этих словах - возможно, потому, что работала в больнице.
- Что с ним могло произойти, по-вашему? - спросила она.
 - Не знаю. Ищу. К жизни вашей матери имеют отношение некоторые мужчины. Извините, что говорю вам об этом.
 - Уж не думаете ли вы, что для меня это новость?
 - Не был ли ваш отец когда-то, мальчиком или подростком, ранен зарядом охотничьей дроби в живот? На лице ее появилось удивление:
 - Я никогда об этом не слыхала.
 - И, конечно, никогда не видели шрамов?
 - Если они на животе... - она чуть улыбнулась.
 - Когда вы последний раз были на набережной Вальми?
 - Подождите... Должно быть, с месяц назад.
 - Калас был там?
 - Я всегда старалась приходить, когда его нет дома.
 - После обеда?
 - Да. В это время он обычно играет на бильярде где-то в районе Восточного вокзала.

- У вашей матери не было тогда какого-либо посетителя?

- В тот день - нет.

- Вам было что-нибудь нужно от матери?

- Нет.

- О чем вы говорили?

- Не помню. О разных вещах.

- О Каласе шла речь?

- Вряд ли.

- Может быть, вы приходили попросить у матери денег?

- Вы заблуждаетесь, господин комиссар. Было время, когда я сидела без гроша и даже голодала, но и тогда я не кланчила у их двери. А теперь я хорошо зарабатываю, и мне подавно незачем это делать.

- Вы не помните, о чем вы говорили во время вашего последнего визита на набережную Вальми?

- Точно не помню.

- Среди мужчин, посещавших бар, вы не встречали румяного молодого человека, который ездит на трехколесном велосипеде?

Она отрицательно покачала головой.

- А рыжего мужчину средних лет? На этот раз она задумалась.

- У него на лице следы ветряной оспы? - спросила она.

- Не знаю.

- Если да, то это господин Дьедонне.

- Кто он такой?

- Я ничего о нем не знаю. Друг моей матери. Очень давний клиент кафе.

- Послеобеденный клиент? Она поняла:

- Я, во всяком случае, видела его после обеда. Может быть, это и не то, что вы думаете. Я ничего не утверждаю. Он производил впечатление человека тихого, такого представляешь себе сидящим вечером у огня, в домашних туфлях. Впрочем, я почти всегда видела его сидящим у печки, напротив моей матери. Они так давно были знакомы, что им уже незачем было стараться развлекать друг друга. Вы понимаете? Их можно было принять за старых супругов.

- Вы не знаете, где он живет?

- Я слышала, он говорил, вставая: "Мне пора на работу". Наверно, работает в том же квартале, но не знаю кем. Одевается он лучше, чем рабочие. Я приняла бы его скорее за конторщика.

В коридоре послышался звонок, и собеседница Мегрэ разом поднялась.

- Меня вызывают, - сказала она. - Извините, я должна идти.

- Возможно, я зайду еще к вам на улицу Сен-Луи.

- Я бываю там только вечером. Не приходите слишком поздно, я рано ложусь.

Мегрэ видел, как она на ходу покачала головой, подобно человеку, еще не вполне осознавшему новость.

- Извините меня, мадмуазель. Будьте добры, где выход?

Мегрэ выглядел таким растерянным, что молоденькая девушка у стола улыбнулась и проводила его по коридору до лестницы.

- Отсюда доберетесь сами. Сейчас вниз, налево и еще раз налево.

- Благодарю вас.

Он не решился спросить у нее, что она думает о Люсетте Калас. Он и сам затруднился бы сказать, что он о ней думает.

На обратном пути Мегрэ зашел выпить глоток белого в бистро напротив Дворца правосудия. Когда он вновь очутился в своем кабинете, там его уже ожидал Лапуэнт.

- Как дела у святых сестер? - спросил Мегрэ.

- Они были очень приветливы. Я сначала боялся, что мне там будет не по себе, но они меня встретили так, что...

- Выяснил что-либо о шрамах? Лапуэнт был не слишком удовлетворен результатом своего визита.

- Прежде всего, как и говорила нам госпожа Калас, врач, делавший операцию, умер три года назад. Монахиня в регистратуре нашла историю болезни Каласа. О шрамах там, естественно, не упоминается, зато я узнал, что Калас болел язвой желудка.

- Они оперировали ему язву?

- Нет. Перед операцией они делают полное обследование и результаты записывают.

- Об особых приметах там не упоминается.

- Ничего подходящего. Моя монашка расспрашивала других сестер, но никто из них уже толком не помнит о Каласе. Одна только вспомнила, что он молился перед наркозом.

- Он был католик?

- Нет, просто боялся. Таких подробностей святые сестрички не забывают, а шрамы у них в памяти не остаются.

Итак, дело не сдвинулось с места и безголовое тело по-прежнему оставалось неопознанным.

Может быть, следователь Комельо прав? Если труп, найденный в канале, и Омер Калас - одно и то же лицо, форсированный допрос его жены может дать очень ценные сведения. Очная ставка с Антуаном, парнем на велосипеде, тоже не прошла бы безрезультатно, прикажи Мегрэ вовремя его задержать.

- Что же нам делать? - тихонько спросил Лапуэнт, оробевший от мрачного вида Мегрэ.

- Пошли.

- Машину взять?

- Да.

- Куда поедем?

- На канал.

Мегрэ хотел по пути поручить инспекторам 10-го округа разыскать в квартале рыжеволосого человека со следами ветряной оспы по имени Дьедонне.

Машина с комиссаром и Лапуэнтом за рулем пробиралась в потоке автобусов и грузовиков и уже подъезжала к бульвару Ришар-Ленуар, где неподалеку жил Мегрэ, когда комиссар внезапно сказал:

- Сворачивай к Восточному вокзалу. Лапуэнт удивленно посмотрел на начальника.

- Может, это ничего и не даст, но я хочу проверить. Нам говорили - Калас уехал в пятницу после обеда и взял с собой чемодан. Предположим, он вернулся в субботу. Если его убили и разделили на части, надо было освободиться от чемодана. Уверен, что на набережной Вальми больше нет ни чемодана, ни одежды, которую он, надо думать, брал с собой в поездку.

Лапуэнт следил за мыслью Мегрэ, кивая головой.

- В канале ни чемодана, ни одежды не нашли, тогда как убитого предварительно раздели.

- И голову тоже не нашли, - уточнил Лапуэнт. Предположение Мегрэ не содержало ничего оригинального. Когда виновные в убийстве лица хотят отделаться от компрометирующих предметов, они, в шести случаях из десяти, сдают их в камеру хранения.

Восточный вокзал был в двух шагах от набережной Вальми. Лапуэнт с трудом отыскал для машины свободное местечко у тротуара, после чего они с комиссаром прошли в зал ожидания.

- В пятницу, во второй половине дня, вы дежурили? - спросил Мегрэ у служителя в камере хранения.

- Только до шести вечера.

- В тот день было много народу?

- Не больше, чем обычно.

- У вас есть еще невостребованные вещи из тех, что были сданы в пятницу?

Служащий повернулся к стеллажам, на которых вытянулись в ряд тюки и чемоданы.

- Два места, - ответил он.

- Они принадлежат одному и тому же лицу?

- Нет. Номера разные. К тому же я вспомнил, что эту корзину, закрытую полотном, сдавала толстая женщина, от нее еще пахло сыром.

- Корзина с сыром?

- Не знаю. Впрочем, нет, теперь уже не пахнет.

- А второе место?

- Коричневый чемодан.

Он указал пальцем на дешевый, потертый чемодан.

- На нем нет ни имени, ни адреса?

- Нет.

- Вы не помните, кто его сдавал?

- Я могу ошибиться, но мне вроде помнится, что это был деревенский парень.

- Почему деревенский?

- Да вид у него был такой.

- Может быть, потому, что у него было румяное лицо?

- Может быть.

- Как он был одет?

- На нем, кажется, были кожаная куртка и фуражка. Мегрэ и Лапуэнт переглянулись: оба подумали об Антуане Кристене.

- В котором часу это могло быть?

- Около пяти. Точнее, чуть позже, потому что в это время пришел скорый из Страсбурга.

- Если за этим чемоданом придут, немедленно позвоните в полицейский участок, что на набережной Жемап.

- А если этот тип испугается и удерет?

- В любом случае мы будем здесь через несколько минут.

Было только одно средство установить принадлежность чемодана - съездить за г-жой Калас и показать ей его. Она равнодушно посмотрела на входящих в кафе Мегрэ и Лапуэнта и пошла к стойке, чтобы принять от них заказ.

- Мы сейчас не будем пить, - сказал Мегрэ. - Мы пришли за вами, чтобы вы опознали один предмет, который находится недалеко отсюда. Мой инспектор поедет с вами.

- А кафе нужно закрыть?

- Не стоит, я останусь здесь, а вы вернетесь через несколько минут.

Она не взяла шляпу, только надела туфли вместо шлепанцев.

- Вы сами будете обслуживать клиентов?

- Надеюсь, мне не придется этим заниматься. Когда машина с Лапуэнтон и г-жой Калас уехала, Мегрэ еще с минуту постоял на пороге. На губах его появилась улыбка. Впервые за годы службы он остался один в маленьком кафе как бы в роли его владельца. Мысль эта так понравилась Мегрэ, что он забрался за стойку и принял традиционную позу хозяина парижского бистро.

5. Бутылка чернил

Солнечные лучи снова падали туда, где они были вчера утром. Одно солнечное пятно, похожее очертаниями на какое-то животное, приходилось на закругленный угол оловянной стойки, другое - на дешевую картинку, изображающую женщину в красном платье, с кружкой пенящегося пива в руке.

Мегрэ еще накануне ощутил, что в атмосфере этого маленького кафе, как и многих кафе и баров Парижа, было нечто родственное с деревенскими трактирами, которые пустуют большую часть недели и наполняются в базарные дни.

Не исключено, что комиссар почувствовал искушение угоститься стаканчиком, но он тут же покраснел от своего ребяческого желания и, сунув руки в карманы, направился, с трубкой в зубах, к двери в глубине зала.

Он еще не видел, что находится за этой дверью, за которой так часто исчезала г-жа Калас. Как он и предполагал, там была кухня. В ней царил известный беспорядок, но было совсем не так грязно, как он думал. Налево от двери стоял коричневый деревянный буфет, на котором он увидел початую бутылку коньяка. Значит, хозяйка пила не вино Мегрэ; стакана рядом не было, так что она, видимо, пила прямо из горлышка.

Одно окно выходило во двор, туда же вела застекленная дверь. Она не была заперта на ключ, и Мегрэ распахнул ее. В углу двора стояли пустые бочки, валялась куча соломенных колпаков, которыми закутывают бутылки с вином, поломанные ведра, ржавые куски железа, и все это было так не похоже на Париж, что Мегрэ не удивился бы, увидев здесь кучу навоза и роющих в нем кур.

Двор был окружен глухими стенами домов, которые, должно быть, выходили на боковую улицу.

Машинально комиссар поднял глаза к окнам второго этажа бистро; за давно не мытыми стеклами висели выгоревшие занавески. Вдруг ему показалось, что за этими стеклами что-то шевельнулось. Может, он ошибся? Он вспомнил про кота, которого видел возле печки.

Не торопясь, он вернулся на кухню и стал подниматься по винтовой лестнице со скрипучими ступеньками. Смутный запах плесени снова напомнил ему постоянные дворы маленьких деревушек, где ему приходилось останавливаться на ночлег.

На площадку выходили две двери. Он толкнул одну и очутился в комнате, служившей Каласам спальней. Окна ее смотрели на набережную.

Двухспальная кровать орехового дерева в это утро не была убрана и обнаруживала вполне чистое белье. Обстановка, обычная для подобной комнаты, состояла из массивной старой мебели, лоснящейся от времени и переходящей от отца к сыну.

В шкафу висела мужская одежда. Между окнами, рядом с радиоприемником устаревшей марки, стояло кресло с темно-красной репсовой обивкой. Наконец, посреди комнаты стоял круглый стол, накрытый скатертью неопределенного цвета, и два стула красного дерева.

Мегрэ спросил себя, что здесь привлекло его внимание, как только он вошел. Он должен был еще несколько раз обвести глазами комнату, пока его взгляд не упал снова на ковровую ткань, покрывавшую стол. Там стоял совсем новый флакон чернил и лежало перо и один из тех рекламных бюваров для бумаги, которые обычно имеются в каждом кафе для нужд клиентов.

Мегрэ открыл бювар, не надеясь на особые открытия, и, действительно, нашел внутри только три листа чистой бумаги. Одновременно он напряг слух, так как ему почудилось какое-то поскрипывание. Оно не могло идти из туалета, дверь которого выходила прямо в эту комнату.

Мегрэ вышел на площадку, открыл вторую дверь и обнаружил другую комнату, такой же величины, как первая. Она служила кладовой и была загромождена ломаной мебелью, старыми ящиками, посудой и разными непонятными предметами.

- Есть здесь кто-нибудь? - громко спросил он, почти уверенный, что он не один в этой комнате.

Мгновение он постоял неподвижно, потом бесшумно протянул руку к большому шкафу и резко распахнул его дверцу.

- А ну, давай без глупостей, - спокойно сказал он. Мегрэ не очень удивился при виде Антуана, который забился в глубь шкафа и выглядел, как загнанное животное.

- Я так и знал, что мы с тобой скоро встретимся. Выходи.

- Вы меня арестуете?

Парень со страхом смотрел на наручники, которые комиссар вынул из кармана.

- Не знаю пока, но не хочу, чтобы ты еще раз дал тягу. Протяни руки.

- Вы не имеете права! Я ничего не сделал.

- Руки!

Мегрэ угадал, что парень сейчас бросится ему в ноги, чтобы удрать. Всей тяжестью тела комиссар прижал его к стене. Мальчишка потрепыхался еще немного, пиная его ногами, но Мегрэ уже защелкнул наручники.

- Теперь иди за мной.

- Что скажет моя мать?

- Не знаю, что скажет она, зато знаю, что нам есть о чем тебя расспросить.

- Я не буду отвечать.

- Все равно иди.

Мегрэ пропустил парня вперед. Они прошли через кухню. Очутившись в баре, Антуан был поражен его пустотой и безмолвием.

- Где она?

- Хозяйка? Сейчас придет.

- Вы ее арестовали?

- Садись в угол и никуда не лезь.

- Захочу и буду лезть!

Мегрэ перевидал столько таких молокососов в более или менее сходных ситуациях, что мог бы предсказать каждое его слово и движение.

Из-за следователя Комельо комиссар не сердился на себя за то, что ему пришлось арестовать Антуана, но в то же время нисколько не верил, что мальчишка поможет ему что-либо выяснить.

Какой-то пожилой человек зашел в бар и растерянно остановился, увидев Мегрэ:

- Хозяйки нет?

- Скоро вернется.

То ли посетитель заметил наручники, то ли смекнул, что Мегрэ - полицейский и лучше не иметь с ним дела, но он притронулся к фуражке и поспешно удалился, пробормотав что-то вроде: "Я сейчас вернусь". Не успел он еще, наверно, дойти до угла, как перед дверью остановился черный "пежо"; Лапуэнт вышел первым, отворил дверцу перед г-жой Калас и вынес из машины коричневый чемодан.

Женщина тотчас увидела Антуана, нахмурила брови и с беспокойством повернулась к Мегрэ.

- Вы не знали, что он был у вас? - спросил ее комиссар.

- Не отвечай! - крикнул Антуан. - Он не имел права меня арестовать. Пусть докажет, что я сделал что-нибудь дурное.

Не обращая на него внимания, комиссар обратился к Лапуэнту:

- Это тот самый чемодан?

- Сначала она колебалась, потом сказала "да", потом заявила, что не может сказать точно, пока его не откроют.

- Ты его открывал?

- Я хотел сделать это при вас. В камере хранения я оставил предварительную расписку. Служащий настаивает, чтобы ему как можно скорее прислали форменный акт об изъятии.

- Запроси его у Комельо. Служащий все еще там?

- Наверно. По-моему, он не собирался уходить.

- Позвони ему. Спроси, не может ли кто-нибудь подменить его на четверть часа. Это нетрудно. Пусть он возьмет такси и едет сюда.

- Ясно, - сказал Лапуэнт, глядя на Антуана. Узнает ли его служащий из камеры хранения? Если да, то все значительно упростится.

- Позвони также Мерсу. Желательно, чтобы и он прибыл сюда вместе с фотоаппаратами для осмотра на месте.

- Хорошо, шеф.

Г-жа Калас, стоявшая все это время посреди комнаты, словно была здесь гостьей, в свою очередь задала тот же вопрос, что и Антуан:

- Вы меня арестуете?

Казалось, что она была сбита с толку, когда Мегрэ ответил простодушно:

- Зачем?

- Значит, я могу ходить, как хочу?

- В доме - да.

Он знал, чего она хочет, и действительно она направилась на кухню и скрылась в том углу, где стояла бутылка с коньяком. Для отвода глаз она переставила там посуду и сбросила с ног туфли, от которых, наверно, отвыкла, заменив их привычными шлепанцами.

Когда хозяйка опять вошла в бар, к ней вернулось ее самообладание и она направилась к стойке:

- Налить вам чего-нибудь?

- Белого, пожалуй. Инспектору тоже. Может быть, Антуан хочет пива?

Мегрэ вел себя как человек, которому некуда спешить. Похоже было даже, что он сам не знает, что будет делать через минуту. Отпив глоток вина, он подошел к двери и запер ее.

- У вас есть ключ от чемодана?

- Нет.

- А где он, вы знаете?

- Наверное, у него в кармане. “У него” означало: в кармане Каласа, поскольку он вышел из дому с чемоданом.

- Дайте мне клещи или что-нибудь в этом роде. Г-жа Калас не сразу нашла пару щипцов. Мегрэ поставил чемодан на один из столов и дождался, когда Лапуэнт закончит свои телефонные переговоры, чтобы взломать хрупкий замок.

- Я заказал тебе белого.

- Спасибо, шеф.

Металлическая пластинка скрутилась и лопнула. Мегрэ открыл крышку. Г-жа Калас не вышла из-за стойки и, хотя смотрела в их сторону, казалась не слишком заинтересованной в происходящем.

Содержимое чемодана составляли: серый мужской костюм из довольно тонкой ткани, пара почти новых ботинок, рубашки, носки, бритва, расческа, зубная щетка и кусок мыла, завернутый в бумагу.

- Это вещи вашего мужа?

- Наверное.

- Вы в этом не уверены?

- У него есть такой костюм, как этот.

- А наверху его нет?

- Я не смотрела.

Она не помогала им, но и не пыталась их обманывать. Со вчерашнего дня отвечала на вопросы немногословно и неопределенно, но так, что это не принимало агрессивного характера, какой, например, отличал поведение Антуана.

Парень, конечно, артачился от страха. Женщина же, казалось, ничего не боится. Все эти приходы и уходы полицейских и разоблачения, которые они могли сделать, были ей совершенно безразличны.

- Ты ничего не замечаешь? - сказал Мегрэ Лапуэнту, роясь в чемодане.

- Что все это засунуто туда как попало?

- Ну, это обычная мужская манера укладывать чемодан. Есть деталь более любопытная. Предположим, Калас собирается уезжать. Берет с собой запасной костюм, туфли и белье. Теоретически, он должен был бы укладывать вещи наверху, у себя в комнате.

Два человека в спецовках штукатуров подергали дверь, покричали что-то, прильнув носом к дверному стеклу - слов их не было слышно, - и удалились.

- Можешь ты мне сказать, почему тогда он взял с собой грязное белье?

Действительно, одна из двух рубашек явно была в употреблении, так же как кальсоны и пара носков.

- Вы думаете, эти вещи положил в чемодан не он?

- Может быть, и он. Это вполне вероятно. Но не в момент отъезда. Уже после того, как он уложил чемодан, он возвращался на какое-то время домой.

- Понимаю.

- Вы слышали, госпожа Калас? Она кивнула.

- Вы продолжаете утверждать, что ваш муж уехал в пятницу после обеда, взяв с собой этот чемодан?

- Я и сейчас это говорю.

- Вы уверены, что это было не в четверг? Может быть, в пятницу он вернулся?

- Все равно вы поверите только тому, чему захотите верить.

Перед бистро остановилось такси, из которого вышел служащий камеры хранения. Мегрэ открыл ему дверь.

- Можете не отпускать такси. Я задержу вас всего на несколько минут.

Комиссар ввел прибывшего в кафе. Тот, желая понять, что от него требуется, некоторое время оглядывал окружающих. Взгляд его остановился на Антуане, который все еще сидел в углу.

Служащий повернулся к Мегрэ, открыл рот и снова стал разглядывать сидевшего парня.

В течение всего этого долгого, как показалось всем, времени Антуан с вызовом смотрел служащему прямо в глаза.

- Мне думается, что... - начал тот, словно порываясь почесать в затылке.

Это был порядочный человек, и он не хотел поступать против совести.

- Пожалуй, когда я вот так его вижу, можно сказать, что это он и был.

- Врете! - яростно крикнул парень.

- Может, мне лучше посмотреть на него, когда он встанет?

- Не встану!

- Встать!

Голос г-жи Калас произнес за спиной Мегрэ:

- Встань, Антуан.

- Вот так, - пробормотал служащий после минутного раздумья, - я уже меньше колеблюсь. У него есть кожаная куртка?

- Пойди посмотри наверху, в задней комнате, - сказал Мегрэ Лапуэнту.

Они ждали молча. Человек с вокзала бросил взгляд на стойку, и Мегрэ понял, что ему хочется пить.

- Стаканчик белого? - спросил он.

- Не откажусь.

Лапуэнт вернулся с курткой, которая накануне была на Антуане.

- Надень.

Парень взглядом посоветовался с хозяйкой и неохотно согласился. С него сняли наручники.

- Вы же видите, что он хочет угодить шпикам. Все они одна шайка. Стоит им сказать "полиция", и они трясутся от страха. Ну, теперь вы опять скажете, что уже видели меня?

- Думаю, что да.

- Врете.

Служащий обратился к Мегрэ спокойным голосом, в котором все же проскальзывало волнение:

- Я полагаю, что мое заявление играет важную роль? Я не хочу никому причинять вреда необоснованным утверждением. Этот человек похож на того, кто сдавал чемодан на прошлой неделе. Я ведь не знал тогда, что меня о нем будут расспрашивать, и не рассматривал его. Может быть, если бы я снова увидел его на том же месте и при том же освещении...

- Вам его доставят на вокзал сегодня или завтра, - решил Мегрэ. - Благодарю вас. Ваше здоровье!

Комиссар проводил служащего до двери и снова запер ее на ключ. В его поведении была какая-то странная нерешительность, которая заинтриговала Лапуэнта. Инспектор не мог сказать, когда

она появилась. Возможно, с самого начала, с той минуты, когда они вчера приехали на набережную и вошли в бистро Каласов.

Мегрэ действовал как обычно и делал то, что должен был делать, но во всем этом ощущался недостаток убежденности, непривычный для работавших с ним инспекторов. Казалось, он действует как бы машинально. Вещественные улики его почти не интересовали, и он был поглощен какими-то мыслями, о которых никому не сообщал.

В особенности это было заметно здесь, в кафе, когда он обращался к г-же Калас или украдкой наблюдал за ней.

Казалось, он забыл о жертве и расчлененный труп не имеет в его глазах особой важности. Он почти не уделял внимания Антуану и должен был делать усилие, чтобы выполнять свои профессиональные обязанности.

- Позвони Комельо. Предпочитаю, чтобы это сделал ты. Расскажи ему покороче о том, что произошло. Может быть, и лучше, что он подпишет постановление на арест мальчишки. Он так или иначе это сделает.

- А она? - спросил инспектор, указывая на женщину.

- Мне бы не хотелось ее трогать.

- А если он будет настаивать?

- Пусть действует, как хочет. Он начальник.

Мегрэ говорил обычным голосом, и те, о ком шла речь, слушали его.

- Вы хорошо сделаете, если поедите чего-нибудь, - посоветовал он г-же Калас. - Возможно, вас скоро прикажут увести.

- Надолго?

- Пока вы будете нужны следователю.

- Я буду ночевать в тюрьме?

- Скорее всего в доме предварительного заключения.

- А я? - спросил Антуан.

- Ты тоже. Мегрэ добавил:

- Но не в одной камере.

- Хочешь есть? - спросила парня г-жа Калас.

- Нет.

Она все же пошла на кухню, но только для того, чтобы выпить еще глоток коньяка. Вернувшись, осведомилась:

- Кто будет стеречь дом это время?

- Никто. Не беспокойтесь. За ним присмотрят.

Первый раз в жизни Мегрэ встретил человека, которого он не понимал.

Ему приходилось сталкиваться с ловкими женщинами, которые долго упорствовали, не желая выдавать себя. Однако каждый раз он с самого начала знал - последнее слово будет за ним. Там был просто вопрос времени, терпения и воли.

С г-жой Калас все обстояло иначе. Он не мог отнести ее ни к одной известной ему категории. Он не стал бы возражать, если бы ему сказали, что она хладнокровно убила мужа и сама расчленила тело на своем кухонном столе. Но он не возражал бы также, если бы его стали уверять, что она ничего не знает о судьбе мужа.

Она была в двух шагах от него, худая и увядшая, в темном платье, висевшем на ней, как старая оконная занавеска, она была реальным человеком, из плоти и крови, с отблеском напряженной внутренней жизни в темных глазах, и, однако, в ней было что-то нематериальное, неуловимое.

Знала ли она сама, что производит такое впечатление? Возможно, и знала, если судить по тому, с каким хладнокровием и, может быть, иронией она, в свою очередь, смотрела на комиссара.

Отсюда и проистекала та внутренняя скованность, которую почувствовал в нем Лапуэнт. Полицейское расследование становилось единоборством между Мегрэ и этой женщиной.

Все, что не имело к ней прямого отношения, весьма мало занимало комиссара. Лапуэнт в этом убедился минуту спустя, когда вышел из телефонной кабины.

- Что он сказал? - спросил Мегрэ, имея в виду Комелью.
- Что сейчас подпишет постановление и пришлет к вам в кабинет.
- Он хочет с ним говорить?
- Он думает, что сначала вы сами его допросите.
- А она?
- Он подпишет второе постановление, вы можете делать с ним что хотите, но, по-моему...
- Понятно.

Комелью хотел, чтобы Мегрэ вернулся в свой кабинет, вызвал поочередно Антуана и г-жу Калас и учинил им долгий допрос, пока они во всем не признаются.

Голова трупа все еще не была найдена. Не было никакого формального доказательства, что Калас - тот человек, останки которого обнаружены в канале Сен-Мартен. Правда, теперь, благодаря чемодану, существовала довольно обоснованная вероятность виновности, и нередко случалось, что допрос, начатый при меньших козырях, заканчивался полным признанием виновных.

Так думал не только следователь Комелью, но и Лапуэнт, который не мог скрыть удивления, когда Мегрэ сказал ему:

- Забери парня с собой. Садись с ним у меня в кабинете и начинай допрос. Не забудь покормить его.
- Вы остаетесь?
- Я жду Мерса и фотографов. Лапуэнт сделал Антуану знак подняться. Проходя мимо Мегрэ, тот бросил:
- Имейте в виду, это вам дорого обойдется. Тем временем Виконт, все утро бродивший, по обыкновению, по кабинетам уголовной полиции, очутился в коридоре судебных следователей:
- Ничего нового, господин Комелью? Все еще не нашли голову?
- Нет, но личность жертвы уже можно считать почти установленной.
- Кто же это?

Минут десять Комелью с готовностью отвечал на вопросы, довольный тем, что на сей раз пресса оказывает внимание ему, а не Мегрэ.

- Комиссар все еще там?
- Полагаю, что да.

Таким образом, сообщение об обыске у Каласов и аресте Антуана, названного только инициалами, через два часа появилось в послеобеденных газетах, а в пять часов дня было передано по радио.

Оставшись наедине с г-жой Калас, Мегрэ взял со стойки стакан с вином, перенес его на один из столиков, за который и уселся. Она, со своей стороны, не шелохнулась, сохраняя за стойкой классическую позу хозяйки бистро.

Послышались заводские гудки, возвещавшие полдень. В течение десяти следующих минут не менее тридцати человек стучали в закрытую дверь быстро, и некоторые, увидев г-жу Калас через стекло, жестикулировали, как бы пытаясь вступить с ней в переговоры.

- Я видел вашу дочь, - внезапно сказал Мегрэ. Она посмотрела на него, но не проронила ни слова.

- Она подтвердила, что была у вас около месяца назад. Я спрашиваю себя, о чем вы разговаривали.

Это не было прямым вопросом, и г-жа Калас ничего не ответила.

- У меня сложилось впечатление, что она человек уравновешенный и обдуманно строящий свою жизнь. Сам не знаю, почему мне пришла мысль, что она влюблена в своего шефа и, может быть, является его любовницей.

Она все еще не вступала в разговор. Было ли это ей интересно? Оставалось ли у нее какое-нибудь чувство к дочери?

- Должно быть, на первых порах ей пришлось нелегко. Пятнадцатилетней девочке трудно пробиваться одной в таком городе, как Париж.

Казалось, глаза г-жи Калас смотрят сквозь Мегрэ. Она спросила усталым голосом:

- Чего вы хотите?

В самом деле, чего он хочет? Не прав ли был Комельо? Может быть, ему следовало сначала допросить Антуана? Что касается этой женщины, то не изменится ли ее поведение после нескольких дней, проведенных в камере?

- Я спрашиваю себя, почему вы вышли за Каласа и почему позднее не оставили его.

На губах ее появилась не улыбка, а выражение, которое могло быть и насмешкой, и сожалением.

- Вы это сделали нарочно, не так ли? - продолжал Мегрэ, не уточняя свою мысль.

Надо же ему было чего-нибудь добиться. Бывали моменты, когда Мегрэ казалось: остается сделать легкое усилие - и невидимая стена, разделявшая их, исчезнет, и все станет понятно. Найти нужное слово - и она станет для него просто человеком.

- А другой был здесь в пятницу после обеда? Он все-таки достиг своего: она вздрогнула.

- Какой другой? - спросила она наконец, как бы нехотя.

- Ваш любовник. Настоящий. Наверное, ей хотелось казаться безразличной и не задавать вопросов, но она в конце концов уступила.

- Кто?

- Рыжий мужчина среднего возраста, со следами оспы на лице, по имени Дьедонне.

Г-жа Калас снова замкнулась в себе. На лице ее нельзя было больше ничего прочесть. Впрочем, как раз в это время перед баром остановилась машина, из которой вышли Мере и трое мужчин со спецаппаратурой.

Мегрэ еще раз пошел открывать дверь. Конечно, он не добился успеха. Однако он не считал совсем потерянным время, которое он сейчас провел с этой женщиной.

- Что осматривать, шеф?

- Все. Сперва кухню, потом две комнаты и туалет на втором этаже. Кроме того, двор и погреб, который должен быть под этой лестницей.

- Вы думаете, этот человек был убит и расчленен именно здесь?

- Возможно.

- А чемодан?

- Проверь и его вместе с содержимым.
- Тут хватит дела до конца дня. Вы остаетесь?
- Нет, но скоро вернусь.

Комиссар зашел в кабину, позвонил в полицейский участок, расположенный по ту сторону канала, и поручил Жюделю следить за домом.

- Вам лучше пойти вместе со мной, - объявил он затем г-же Калас.
- Взять с собой одежду и туалетные принадлежности?
- Пожалуй, это будет благоразумно.

На кухне она остановилась и довольно долго пила из бутылки. Затем они услышали, как она ходит наверху по комнате.

- Вы не боитесь оставлять ее одну, шеф?

Мегрэ пожал плечами. Если бы здесь нужно было что-либо прятать или уничтожать, об этом давно бы уже позаботились.

Тем не менее ее долгое отсутствие удивило его. Слышно было, как она движется, как журчит вода в умывальнике, как выдвигаются и задвигаются ящики шкафа.

Возвращаясь, она снова задержалась на кухне, несомненно решив, что это последние глотки спиртного, которые ей дано сделать прежде, чем она снова получит такую возможность.

Когда г-жа Калас наконец появилась, трое мужчин уставились на нее с одинаковым изумлением, к которому у Мегрэ примешивалась крупница восхищения.

За какие-то двадцать минут она полностью преобразилась. Черное платье и манто делали ее представительной. Благодаря тщательной прическе и шляпе черты лица казались более выразительными, походка стала легче, осанка - уверенной и почти горделивой.

Знала ли она, что производит подобный эффект? Не было ли в этом известного кокетства? Она не улыбнулась при виде их удивления. Деловито проверила, все ли нужное есть в сумочке, и негромко бросила, натягивая перчатки:

- Я готова.

От нее пахло духами и коньяком. Она не забыла попудриться и провести по губам помадой.

- Вы не берете с собой чемодан?

Она почти с вызовом отрезала: "Нет". Брать с собой белье и запасную одежду - не значило ли это признать себя виновной? Во всяком случае, это означало допустить наличие каких-то оснований для ареста.

- До скорого! - бросил Мегрэ Мерсу и его сотруднику.
- Вы возьмете машину?
- Нет, поищу такси.

Любопытное было ощущение - оказаться рядом с ней на тротуаре и идти по залитой солнцем улице.

- У нас, пожалуй, больше шансов найти такси, если мы пойдем в сторону улицы Реколе.
- Пожалуй.
- Я хотел бы задать вам один вопрос.
- Вы же не стеснялись до сих пор.
- Сколько времени вы уже так не одевались? Г-жа Калас соблаговолила подумать.
- Года четыре, по крайней мере, - ответила она наконец. - Почему вы об этом спрашиваете?
- Просто так.

К чему было тратить слова, если она сама это прекрасно знала? Он как раз успел поднять руку и остановить обгонявшее их такси, распахнул дверцу перед спутницей и пропустил ее вперед.

6. Черная шаль

Честно говоря, Мегрэ сам еще не знал, что делать с этой женщиной. При другом следователе он вообще действовал бы иначе, чем до сих пор, пошел бы на риск, но с Комельо это было опасно. Этот чиновник был не только мелочным формалистом, боявшимся общественного мнения и реакции правительства; он давно уже считал сомнительными методы работы Мегрэ, и в прошлом они неоднократно сталкивались, что называется, лоб в лоб.

Мегрэ знал, что следователь не сводит с него глаз и при малейшей ошибке или неосторожности свалит на него всю ответственность.

Комиссар, конечно, предпочел бы оставить г-жу Калае на набережной Вальми, пока у него не сложится ясного представления о ее характере и роли, какую она могла играть в этой драме. Он расположил бы поблизости от кафе одного-двух агентов и поручил бы им вести наблюдение. Но, с другой стороны, помешал ли агент Жюделя мальчишке Антуану удрать из дома на улице Фобур-Сен-Мартен? А ведь Антуан просто желторотый птенец и ума у него не больше, чем у тринадцатилетнего ребенка. Г-жа Калас - другой закалки.

Проезжая мимо газетных киосков, Мегрэ заметил, что газеты уже сообщили об обыске в маленьком бистро: на первой странице стояло крупными буквами имя "Калас".

Комиссар представил себе, как он вошел бы завтра в кабинет Комельо, если бы утренние газеты сообщили:

"Г-жа Калас исчезла".

Не поворачивая головы, Мегрэ уголком глаза наблюдал за спутницей. Она сидела очень прямо, не без достоинства, и с любопытством смотрела на городские улицы.

Целых четыре года г-жа Калас не носила выходной одежды. Интересно, при каких обстоятельствах и по какому случаю надевала она в последний раз свое черное платье? Может, еще больше лет прошло с тех пор, как она была в центре города и видела шумную толпу на бульварах?

Поскольку из-за Комельо ему нельзя действовать по-своему, он вынужден взяться за дело иначе.

Когда набережная Орфевр была уже близко, Мегрэ заметил:

- Я полагаю, вы не хотите говорить? Она посмотрела на него с удивлением:

- О ком?

- О своем муже.

Она еле заметно пожала плечами и сказала:

- Я не убивала Каласа.

Она назвала мужа по фамилии, как это обычно делают жены крестьян и лавочников. Мегрэ отметил, что у нее это получилось ненатурально.

- Въехать во двор? - спросил шофер.

- Пожалуйста.

Виконт уже был там, у входа на лестницу, а с ним еще два газетчика и фотографии. Они пронюхали о случившемся, и Мегрэ нелепо было бы скрывать, с кем он приехал.

- Минутку, комиссар.

Г-жа Калас, наверное, думала, что их созвал сюда Мегрэ.

С застывшим лицом она поднималась по лестнице, а они следовали за нею по пятам, щелкая аппаратами. Должно быть, они же фотографировали Антуана.

Даже наверху, в коридоре, Мегрэ не знал еще, что делать, и решил зайти к инспекторам.

Люкаса не было. Мегрэ обратился к Жанвье:

- Проводи ее, пожалуйста, в какой-нибудь свободный кабинет и побудь с ней несколько минут.

Она слышала. В ее взгляде, обращенном к комиссару, читался немой упрек. А может быть, разочарование?

Ничего больше не сказав, Мегрэ вышел и отправился к себе в кабинет. На его месте, сняв пиджак, расположился Лапуэнт. Перед ним, лицом к окну, вытянулся на стуле Антуан, красный, как вареный рак.

Между ними на подносе из пивной “У дофины” лежали остатки сэндвичей и стояли две кружки, на дне которых оставалось немного пива.

Антуан, заметивший, что Мегрэ остановил взгляд на подносе, был явно раздосадован, что не выдержал марки и дал волю аппетиту. Должно быть, он собирался сперва “наказать” их, отказываясь от пищи. Такие штучки не были новостью на Набережной, и Мегрэ не удержался от улыбки.

- Как дела? - спросил он у Лапуэнта. Тот взглядом дал понять, что не добился никаких результатов.

- Продолжайте, ребята.

Когда комиссар поднялся в кабинет Комельо, следователь собирался идти на обед.

- Вы арестовали обоих?

- Парень у меня в кабинете, его сейчас допрашивает Лапуэнт.

- Сказал что-нибудь?

- Если даже ему что-то известно, он не скажет ничего, пока его не ткнешь носом в улики.

- Он что, умен?

- В том-то и дело, что нет. Умный человек всегда в конце концов признает разумность обвинения, а дурак просто все отрицает, вопреки всякой очевидности.

- А женщина?

- Я оставил ее с Жанвье.

- Вы будете ее допрашивать лично?

- Не сейчас. Для этого у меня еще мало данных.

- Когда вы собираетесь это сделать?

- Может быть, сегодня вечером или завтра. Или послезавтра.

- А до тех пор?

У Мегрэ был вид такого послушного пай-мальчика, что Комельо спросил себя, что за всем этим кроется.

- Я пришел спросить об этом у вас.

- Вы же не можете без конца держать ее в кабинете!

- В самом деле, это трудновато. Особенно женщину.

- Вы не считаете, что благоразумнее было бы отправить ее в дом предварительного заключения?

- Вам виднее.

- А вы лично отпустили бы ее?

- Не уверен.

Взбешенный Комельо размышлял, хмурия брови. Наконец он с вызовом бросил:

- Пошлите ее ко мне.

Почему комиссар улыбался, возвращаясь от следователя? Может быть, он представлял себе г-жу Калас тет-а-тет с разгневанным Комельо?

В этот день Мегрэ больше ее не видел; он ограничился тем, что зашел к инспекторам и сказал Торрансу:

- Следователь Комельо вызывает госпожу Калас. Будь добр, передай это Жанвье.

На лестнице к Мегрэ подскочил Виконт, но комиссар отделался от него словами:

- Идите к Комельо. Уверен, у него скоро будет кое-что новое для прессы.

Мегрэ отправился пешком в пивную “У дофины” и остановился у стойки, чтобы выпить аперитив. Было поздно. Час завтрака подходил к концу. Мегрэ снял телефонную трубку.

- Это ты? - сказал он жене.

- Домой не придешь?

- Нет.

- Надеюсь, у тебя есть время пообедать?

- Я звоню из пивной “У дофины”.

- Вернешься к ужину?

- Возможно.

Среди ароматов, наполнявших воздух зала, преобладали два: запах перно вокруг стойки и запах курятины под винным соусом, доносившийся из кухни.

В столовом зале почти все столики были свободны, только кое-где коллеги Мегрэ допивали кофе или рюмку кальвадоса. Поколебавшись, комиссар решил остаться в баре и заказал сандвич. Солнце светило, как и утром, небо по-прежнему было ясным, но по нему быстро бежали белые облачка; свежий ветер гнал по улице пыль и теребил подола женских платьев.

Хозяин пивной хорошо знал Мегрэ и понимал, что сейчас не время вступать с ним в разговор. Комиссар рассеянно жевал, глядя при этом на улицу так, как пассажиры корабля смотрят на монотонно-усыпляющий бег морских волн.

- Еще один?

Он кивнул, не понимая, о чем его спрашивают, съел, впрочем, и второй сандвич и выпил поданную ему без всякого заказа чашку кофе.

Через несколько минут он уже был в такси и ехал на набережную Вальми. Попросил высадить его на углу улицы Реколе, напротив шлюза, где стояли сейчас три баржи. Несмотря на грязную воду, на поверхности которой лопались подозрительные пузыри, несколько любителей рыбной ловли сидели, как всегда, над своими поплавками.

Он прошел мимо желтого фасада бара “У Пополя”. Хозяин узнал его - Мегрэ видел через окно, как тот пальцем указывает на него клиентам.

Огромные грузовики с надписью “Руле и Ланглуа” стояли вдоль тротуара.

Мегрэ прошел также мимо нескольких лавчонок, какие встретишь в любом густонаселенном квартале Парижа. Лотки с овощами и фруктами выступали почти до середины тротуара. Чуть дальше располагалась мясная лавка, где никого не было, а затем, в двух шагах от бистро Каласов, - бакалея, такая темная, что внутри ничего нельзя было различить.

Г-жа Калас, должно быть, покупала провизию в этих лавчонках, выходя из дому в домашних туфлях и в накинутой на плечи шали из грубой черной шерсти, которую комиссар заметил у нее в кафе.

Жюдель должен заняться этими людьми. Местная полиция знает их лучше и пользуется у них большим доверием, чем люди с набережной Орфевр.

Дверь быстро была закрыта на ключ. Приложив лицо к стеклу, Мегрэ никого не увидел внутри, но на кухне чья-то тень время от времени заслоняла солнечный луч. Комиссар вынужден был постучать несколько раз, пока не появился Мере; узнав Мегрэ, он бросился отворять дверь.

- Прошу прощения, мы там шумели. Вы долго стучали?

- Это не важно.

Он сам повернул ключ в замке.

- Тебя часто отвлекали?

- Одни, подергав дверь, уходили без шума, но были и такие, которые стучали и настаивали, чтобы их впустили.

Мегрэ посмотрел вокруг и прошел за стойку, отыскивая один из тех рекламных бюваров для бумаги, какой он заметил на столе и в спальне. Обычно в кафе бывает несколько таких бюваров, и он удивился, не найдя ни одного, тогда как коробок с домино было три, карточных колод - с полдюжины.

- Продолжай, - сказал он Мерсу. - Я сейчас к тебе приду.

Он протиснулся между аппаратурой, которую сотрудники технического отдела расставили на кухне, поднялся на второй этаж и спустился оттуда с чернилами и бюваром.

Сев за столик, он написал крупными буквами:

ВРЕМЕННО ЗАКРЫТО Он не сразу написал второе слово, вспомнив, очевидно, о Комельо, который как раз в это время беседует с г-жой Калас.

- Ты не видел здесь кнопок?

- На полке, слева под стойкой.

Мегрэ нашел кнопки и прикрепил объявление к поперечине двери. Возвращаясь к стойке, он почувствовал, как что-то живое потерлось о его ногу, и узнал рыжего кота, который смотрел на него, подняв голову и жалобно мяукая.

О нем-то он и не подумал. Если дом какое-то время будет пустовать, здесь нельзя оставлять животное.

Мегрэ пошел на кухню, нашел молоко в фаянсовом кувшине и треснутую суповую тарелку.

- Кому бы поручить этого зверя? Может, кто-то из соседей согласится взять? Здесь недалеко есть мясная.

- Сейчас схожу узнаю. Ну, что вам удалось найти? Они, что называется, прочесывали весь дом, не оставляя без внимания ни одного закоулка или ящика. Первым шел Мере, осматривая предметы с помощью лупы, а иногда и прибегая к портативному микроскопу; следом за ним двигались фотографии.

- Мы начали со двора, поскольку там больше всего беспорядка. Кроме того, я полагал, что среди обломков и мусора можно попытаться что-либо спрятать.

- Мусорные баки, наверное, очищались после воскресенья?

- В понедельник утром. Мы все-таки проверили, нет ли в них, например, пятен крови.

- Ничего?

- Ничего, - повторил Мере не совсем твердым тоном.

Это означало, что у него есть идея, но он не вполне в ней уверен.

- Ну, что там у тебя?

- Не знаю, шеф. Просто впечатление. Причем одинаковое у нас четверых. Мы как раз говорили об этом, когда вы постучали.

- Выкладывай.

- Здесь есть что-то странное, по крайней мере, на дворе и в кухне. Этот дом не из тех, где можно встретить идеальный порядок. Достаточно посмотреть в ящики, чтобы установить: в них привыкли совать вещи как попало.

Мегрэ обвел комнату глазами и понял. Лицо его оживилось.

- Продолжай.

- Рядом с раковиной мы нашли грязную посуду за три дня и кастрюли, не чищенные с воскресенья. Можно предполагать, что здесь к этому привыкли, если только женщина не запустила хозяйство в отсутствие мужа.

Мере был прав. Беспорядок и неряшливость были здесь обычным явлением.

- С точки зрения логики, мы должны найти повсюду пяти-, а то и десятидневную пыль и грязь. И действительно, в некоторых местах она еще большей давности. Зато во всех остальных помещениях, кажется, только что произвели генеральную уборку, и Самбуа нашел на дворе две пустые бутылки из-под жавелевой воды. Одна, судя по этикетке, куплена совсем недавно.

- Когда, по-твоему, была сделана уборка?

- Дня три-четыре назад. Я уточню это в своем донесении. Сначала нужно сделать несколько лабораторных анализов.

- Отпечатки пальцев есть?

- Они подтверждают нашу теорию. В ящиках и стальных шкафах нашли отпечатки пальцев Каласа.

- Ты уверен в этом?

- Во всяком случае, они совпадают с отпечатками пальцев трупа, найденного в канале.

Наконец-то у них есть доказательство, что расчлененный человек был хозяином бистро на набережной Вальми!

- Эти отпечатки есть и в верхних комнатах?

- Только на внутренней стороне мебели. Дюбуа пока не осматривал второй этаж детально, и мы туда еще вернемся. Нас поразило, что на мебели нет ни пылинки и пол вымыт очень чисто. Что касается простынь, ими пользовались не больше трех-четырех ночей.

- Грязные простыни нашел?

- Нет.

- Их стирали дома?

- Я не видел здесь ни стиральной машины, ни корыта, ни моющих средств.

- Значит, они отдавали белье в прачечную?

- Верно. И вот, если только человек из прачечной не был здесь вчера или позавчера...

- Попробуйте выяснить, какой прачечной они пользуются.

Мегрэ уже хотел идти расспрашивать соседних лавочников, когда Мере, остановив его, выдвинул ящик кухонного буфета:

- Здесь есть ее название.

Он показал пачку счетов, среди которых значилось:

"Прачечная Реколе". Последний счет был выписан дней десять назад.

Мегрэ устремился к телефону, набрал номер и спросил, не приезжали ли за бельем на набережную Вальми на этой неделе.

- Прием белья у заказчиков производится только в четверг утром, - ответили ему.

Следовательно, приемщик белья последний раз был здесь в прошлый четверг.

Мере имел основания удивляться. Два человека не могли прожить целую неделю, не загрузив белья, значит, оно должно где-то находиться, во всяком случае простыни, поскольку простыни, найденные в спальне, были почти чистыми.

Мегрэ в задумчивости вернулся к специалистам.

- Что ты говорил об отпечатках?

- На кухне мы обнаружили отпечатки трех видов, не считая ваших и Лапуэнта, которые я знаю наизусть. Во-первых, женские отпечатки, самые многочисленные. Думаю, что это отпечатки хозяйки.

- Это легко проверить.

- Затем отпечатки довольно молодого мужчины. Их немного, и они самые свежие.

Это, конечно, Антуан, которого г-жа Калас, вероятно, кормила на кухне, когда он прибежал к ней ночью.

- Наконец, есть два других отпечатка, из которых один частично стерт.

- Отпечатков Каласа в ящиках больше нет?

- Нет.

- Словом, все это выглядит так, как если бы недавно, скажем, в воскресенье, весь дом вымыли и вычистили снизу доверху, но при этом забыли о внутренней стороне мебели!

Все подумали о теле, части которого были подняты из темных вод канала.

Расчленение не могло быть произведено ни на улице, ни на пустыре. Это требовало времени, так как каждая часть тела была тщательно завернута в газетную бумагу и обвязана бечевкой. Какой вид под конец имело помещение, где выполнялась подобная работа?

Теперь Мегрэ меньше сожалел о том, что оставил г-жу Калас у разъяренного Комельо.

- Ты спустился в погреб?

- Мы сделали первоначальный осмотр повсюду. В погребе на первый взгляд нет ничего особенного, но мы туда еще вернемся.

Мегрэ принялся задумчиво расхаживать по бистро, рыжий кот следовал за ним по пятам. Солнце освещало бутылки на полке и бросало яркий отблеск на угол стойки. Проходя мимо печки, комиссар подумал, что она погасла, открыл дверку и, увидев там еще красный уголь, машинально подбросил топлива.

Минуту спустя он прошел за стойку, постоял перед полкой, разглядывая бутылки, выбрал одну из них, с кальвадосом, и налил себе стаканчик. На стене справа, возле окна, висел преysкурант.

Комиссар положил деньги в полуоткрытый ящик кассы, где лежало несколько бумажек и немного мелочи. Внезапно он отскочил, как будто его застали на месте преступления: за стеклом двери мелькнула чья-то фигура. Это был инспектор Жюдель.

Мегрэ открыл ему.

- Я так и знал, что найду вас здесь, шеф. Я звонил на Набережную, и мне ответили, что не знают, где вы.

Жюдель огляделся вокруг, отыскивая взглядом хозяйку:

- Значит, вы ее действительно арестовали?

- Она у Комельо.

Жюдель кивнул в сторону кухни, где увидел знакомых сотрудников технического отдела.

- Обнаружили что-нибудь?

- Еще слишком рано об этом говорить. И слишком долго объяснять. У Мегрэ не хватило на это духу.

- Я рад, что нашел вас; мне бы не хотелось действовать без ваших указаний. Думаю, что мы нашли рыжего.

- Где он?

- В двух шагах отсюда, если мои сведения правильны и если он не в ночную смену на этой неделе. Он работает табельщиком в транспортной фирме “Зенит”, что находится...

- ..на улице Реколе, я знаю. “Руле и Ланглуа”.

- Я думал, вы захотите лично поговорить с ним. Мере позвал из кухни:

- Можно вас на минутку, шеф? На столе лежала черная шаль г-жи Калас. Мере рассматривал ее через микроскоп.

- Взгляните-ка.

- А что там?

- Замечаете на черной шерсти коричневые черточки, вроде веточек дерева? На самом деле это волоконца пеньки. Анализ подтвердит, но я и так уверен. Эти почти невидимые для простого глаза волокна отделились от куска бечевки.

- Того самого сорта?

Мегрэ намекал на бечевку, которой были обвязаны найденные в канале пакеты.

- Готов в этом поклясться. Госпоже Калас, наверно, не часто приходилось перевязывать пакеты. Мы не нашли в доме ни клочка такой бечевки. В ящике есть обрывки, но это либо более тонкая бечевка, либо бумажная, либо красного цвета.

- Благодарю. Полагаю, ты еще будешь здесь, когда я вернусь?

- Что вы решили делать с котом?

- Уношу его с собой.

Кот позволил взять себя на руки, и Мегрэ вышел с ним на улицу. Он прошел мимо бакалейщика, решив, что коту будет лучше в мясной.

- Это, кажется, кот госпожи Калас? - спросила у него хозяйка, когда он подошел к прилавку.

- Да. Не могли бы вы несколько дней позаботиться о нем?

- Только бы он не дрался с моими котами...

- Госпожа Калас - ваша клиентка?

- Она бывает здесь каждое утро. Скажите, правда ли, что ее муж...

Избегая, видимо, говорить о столь мрачном предмете, она только показала глазами на канал.

- Похоже, он.

- Что с ней теперь будет?

Пока Мегрэ подыскивал уклончивый ответ, она продолжала:

- Я знаю, что все другого мнения и что о ней многое можно наговорить, но для меня это просто несчастная женщина, которая не виновата.

Несколько минут спустя два человека ожидали у ворот большого грузового двора фирмы “Руле и Ланглуа”, когда вереница грузовиков позволит им пройти внутрь. Справа, на застекленном помещении, похожем на клетку, видны были черные буквы: “Контора”.

Двор со всех сторон окружали высокие платформы, напоминающие перроны товарных вокзалов, откуда мешки, тюки и ящики грузились на машины. Здесь царило непрерывное движение и оглушительный шум.

- Шеф! - окликнул Жюдель, когда Мегрэ нажал кнопку дверного звонка.

Комиссар оглянулся и увидел рыжеволосого человека, который стоял на одной из платформ с узким блокнотом в одной руке, с карандашом в другой и пристально смотрел на Мегрэ. На нем был серый халат. Он был среднего роста, широкоплеч; красноватая кожа его лица, покрытая впадинками от ветряной оспы, напоминала кожуру апельсина.

Грузчики с тюками проходили мимо него, выкрикивая фамилию, номер и название города или деревни, но он, казалось, не слушал - его голубые глаза не отрывались от Мегрэ.

- Не дай ему удрать, - посоветовал тот Жюделю. Мегрэ вошел в контору, где молоденькая особа осведомилась, что ему угодно.

- Кто-нибудь из хозяев на месте? Не успела она ответить, как к Мегрэ подошел человек с седыми, коротко подстриженными волосами.

- Вы один из владельцев?

- Жозеф Ланглуа, к вашим услугам. Кажется, я вас где-то видел?

Он, конечно, видел фотографии Мегрэ в газетах. Комиссар представился. Ланглуа с недоумением ждал, что будет дальше.

- Кто вон тот, рыжий?

- А что вам от него надо?

- Еще не знаю. Кто он?

- Дьедонне Пап. Он работает у меня больше двадцати пяти лет. Я был бы весьма удивлен, если бы он дал вам повод для каких-либо претензий.

- Он женат?

- Вдовеет уже много лет. Он, кажется, лишился жены через два-три года после свадьбы.

- Живет один?

- Вероятно. Его личная жизнь меня не касается.

- У вас есть его адрес?

- Улица Эклюз-Сен-Мартен, в двух шагах отсюда. Какой номер дома, мадмуазель Берта?

- Пятьдесят шесть.

- Он работает весь день?

- Он должен, как и все, отработать свои восемь часов, но не обязательно днем. Грузовой двор работает круглые сутки, машины разгружаются и нагружаются непрерывно. Поэтому мы держим тут три смены, расписание их меняется каждую неделю.

- В какую смену он работал на прошлой неделе? Ланглуа повернулся к девице, которую он назвал м-ль Бертой:

- Взгляните, пожалуйста. Она посмотрела в папку:

- - В первую смену. Хозяин разъяснил:

- - Следовательно, начал работу в шесть утра и закончил в два часа дня.

- По воскресеньям ваш грузовой двор тоже работает?

- Здесь бывает только два-три дежурных.

- В прошлое воскресенье он не был дежурным? Берта еще раз заглянула в свои бумаги:

- Нет.

- До которого часа он работает сегодня?

- Он во второй смене. Значит, до десяти вечера.

- Не могли бы вы его подменить?

- Вы не могли бы сказать, что вам от него нужно?

- К сожалению, нет.

- Это важно?

- Даже весьма.

- В чем вы его подозреваете?

- Пока не могу ответить.

- Что бы вы там ни предполагали, должен сказать, что вы на ложном пути. Если бы все служащие были похожи на него, у меня вообще не было бы забот.

Хозяин был явно недоволен. Не сказав Мегрэ, что он собирается делать, и не пригласив его с собой, он вышел из застекленной конторы, обогнул двор и приблизился к Дьедонне Папу.

Тот молчал все время, пока хозяин говорил с ним, и только пристально смотрел в сторону стеклянной клетки. Мегрэ видел, как Ланглуа, повернувшись к складам, позвал кого-то, и оттуда тотчас вышел низенький старичок, тоже в халате и с карандашом за ухом. Они обменялись несколькими словами, старичок взял из рук рыжего блокнот, а тот пошел следом за Ланглуа вокруг двора.

Мегрэ не пошевелился, когда они вошли в контору, и Ланглуа громко сказал:

- Комиссар уголовной полиции желает поговорить с вами. Кажется, вы ему зачем-то нужны.

- Мне нужно задать вам несколько вопросов, господин Пап. Прошу вас следовать за мной.

Дьедонне Пап показал на свой халат:

- Могу я переодеться?

- Я пойду с вами.

Ланглуа не попрощался с комиссаром, который пошел за кладовщиком в конец коридора, служивший гардеробной. Пап ни о чем не спрашивал. Ему было, вероятно, за пятьдесят, он производил впечатление человека спокойного и аккуратного. Он надел пальто, шляпу и направился к выходу, при этом Жюдель шел справа от него, а Мегрэ слева.

Пап был, видимо, удивлен, когда за воротами не оказалось машины: он ждал, что его тотчас же увезут на набережную Орфевр. Когда на углу улицы, против желтого бара, они свернули налево, вместо того чтобы идти к центру города, он хотел что-то сказать, но вовремя удержался.

Жюдель понял, что Мегрэ ведет их в бистро Каласа.

Дверь по-прежнему была заперта, Мегрэ постучал, и Мере открыл им.

- Входите, Пап.

Мегрэ вновь повернул ключ в дверном замке.

- Вы хорошо знаете этот дом, не так ли? Человек был сбит с толку. Если он и предвидел, что ему придется разговаривать с полицией, то, во всяком случае, не таким образом.

- Можете снять пальто, здесь тепло. Садитесь на свое место. Ведь у вас, кажется, здесь есть привычное место?

- Не понимаю.

- Вы свой человек в доме, не правда ли?

- Я здесь клиент.

Он старался понять, что делают на кухне эти люди с аппаратами, и, наверное, тревожился за г-жу Калас.

- Очень хороший клиент, не так ли? Вы приходили сюда в прошлое воскресенье?

У него было лицо порядочного человека, с мягким и одновременно робким выражением голубых глаз; такие глаза бывают у иных животных, которые всегда как будто спрашивают, почему люди так жестоки к ним.

- Садитесь же.

Он послушно сел, выполняя приказание.

- Я задал вам вопрос относительно воскресенья.

- Я не приходил.

Прежде чем ответить, он какое-то время размышлял.

- Вы были весь день дома?

- Я ездил к сестре.

- Она живет в Париже?

- В Ножан-сюр-Марн.

- У нее есть телефон?

- Номер триста семнадцать в Ножане. Муж ее - подрядчик-строитель.

- С кем вы там виделись кроме сестры?

- С ее мужем, детьми, а после пяти вечера - с соседями, которые всегда приходят к ним играть в карты.

Мегрэ сделал знак Жюделю, и тот направился к телефонной кабине.

- В котором часу вы уехали из Ножана?

- Я сел на восьмичасовой автобус.

- Вы не заходили сюда перед тем, как вернуться к себе домой?

- Нет.

- Когда вы видели в последний раз хозяйку этого бистро?

- В субботу.

- В какую смену вы работали на прошлой неделе?

- В утреннюю.

- Значит, вы пришли сюда после двух часов дня?

- Да.

- Калас был здесь? Он снова подумал:

- Не тогда, когда я пришел.

- Но он вернулся?

- Не помню.

- Вы долго были тогда в бистро?

- Порядочно.

- А именно?

- Больше двух часов. Точно не могу сказать.

- Что же вы делали?

- Выпил немного вина и разговаривал.

- С посетителями?

- Больше всего с Алиной.

Он покраснел, когда у него вырвалось это имя, и поспешил объяснить:

- Я смотрю на нее как на друга. Мы очень давно знакомы.

- Сколько лет?

- Больше десяти.

- Уже больше десяти лет вы приходите сюда каждый день?
- Почти каждый.
- Главным образом в отсутствие мужа? На этот раз он не ответил и удрученно опустил голову.
- Вы ее любовник?
- Кто вам сказал?
- Не важно. Это правда?

Вместо ответа он тревожно спросил:

- Что вы с ней сделали? Мегрэ ответил откровенно:
- В настоящий момент она у судебного следователя.
- Зачем?
- Чтобы ответить на некоторые вопросы относительно исчезновения ее мужа. Разве вы не читали газет?

Дьедонне Пап молчал, погруженный в размышления. Мегрэ позвал:

- Мере, возьми у него отпечатки пальцев.

Пап добросовестно выполнил несложную процедуру; пальцы его не дрожали.

- Сравни.
- С чем?
- С теми двумя отпечатками. Когда Мере ушел, Дьедонне Пап тихо сказал укоризненным тоном:

- Если это для того, чтобы узнать, ходил ли я на кухню, надо было просто спросить у меня. Я часто бывал там.

- Вы ходили туда в прошлую субботу?
- Я там приготовил себе чашку кофе.
- Вы ничего не знаете об исчезновении Омера Каласа?

Пап все еще был погружен в размышления, как человек, который колеблется, прежде чем принять важное решение.

- Вы не знаете, что он убит, а его тело, разрубленное на части, брошено в канал?

Ни Жюдель, ни Мегрэ не ожидали того, что произошло. Человек медленно перевел взгляд на комиссара, как будто изучая его лицо, и произнес наконец все тем же тихим голосом:

- Мне нечего сказать.

И тогда Мегрэ неожиданно спросил:

- Это вы убили Каласа?

И Дьедонне Пап повторил, покачав головой:

- Мне нечего сказать.

7. Кот г-жи Калас

Мегрэ приступил к десерту, когда до него дошло, что жена наблюдает за ним с чуть насмешливой материнской улыбкой. Он сделал вид, что ничего не замечает, и уткнулся носом в тарелку. Проглотив несколько ложек взбитых сливок, он поднял глаза.

- У меня пятно на носу? - проворчал он.
- Нет.

- Тогда почему ты смеешься?
- Я не смеюсь. Я улыбаюсь.
- Довольно ехидно... Что во мне смешного?
- Ничего смешного, Жюль.

По имени она его называла только в минуту душевной растроганности.

- Тогда в чем дело?
- Ты отдаешь себе отчет, что не сказал ни слова с тех пор, как сел за стол?

Нет, он не отдавал себе в этом отчета.

- Можешь ты сказать, что сейчас ел? Он ответил нарочито ворчливым тоном:

- Бараньи почки.

- А до этого?

- Суп.

- С чем?

- Не помню. Кажется, с овощами.

- Это все из-за той женщины ты так мучаешься? Обычно г-жа Мегрэ знала о делах мужа только из газет.

- Ты считаешь, что она не убивала? Он передернул плечами, как бы желая избавиться от навязчивой мысли:

- Я ничего не знаю.

- Наверное, его убил Дьедонне Пап, а она была сообщницей?

Ему хотелось ответить, что это не имеет никакого значения. В самом деле, ему было совершенно безразлично, кто убил. Главное - понять. А он не только все еще не понимал, но, напротив, чем больше знакомился с участниками этой истории, тем больше запутывался. Поэтому он и отправился домой обедать, а не сидел сейчас в кабинете, прикованный к делу: ему хотелось отвлечься, погрузиться в повседневную домашнюю жизнь, чтобы взглянуть потом новыми глазами на главных героев драмы.

Вместо этого он, как сейчас заметила жена, просидел весь обед молча, ни на минуту не переставая думать о г-же Калас, о Папе и об Антуане.

Нечасто приходилось ему чувствовать себя столь далеким от решения вопроса. Точнее, редко когда вопрос стоял перед ним столь необычным образом.

Типов преступлений не так уж много. В общих чертах их можно разделить на несколько больших категорий.

Преступления, совершенные профессиональными преступниками, легко раскрываются полицией. Если, допустим, некий тип из банды корсиканцев пристукнул в каком-то баре представителя банды марсельцев, то для набережной Орфевр это чисто математическая задача, решение которой не выходит за рамки служебной рутины.

Пусть один или два сбившихся с пути молодчика ограбят хозяйку табачной лавчонки или инкассатора банка - охота за ними тоже имеет свои правила.

В преступлениях на почве чувственных побуждений всегда известно, куда идти и как действовать.

Наконец, когда имеешь дело с преступлением на почве корысти, например из-за наследства, страховки или более сложного плана, цель которого всегда - захват имущества жертвы, тоже чувствуешь себя уверенно, как только выяснишь мотив преступления.

Именно корыстными побуждениями и хотел объяснить дело Каласа следователь Комельо, потому что, по его понятиям, сложная внутренняя жизнь являлась привилегией людей его круга, а не обитателей набережной Вальми.

Дьедонне Пап был любовником г-жи Калас, вот они и избавились от мужа, чтобы разом освободиться и завладеть его деньгами.

- Но они любовники уже целых десять лет, - возражал Мегрэ. - Почему они так долго ждали?

У следователя была своя версия. Калас мог получить крупную сумму, либо любовники ждали благоприятного случая, либо г-жа Калас еще раз поругалась с мужем и решила, что с нее хватит, либо...

- А если мы докажем, что, кроме своего жалкого бистро, Калас не имел денег?

- Остается бистро. Папу надоело работать в фирме "Зенит", и он захотел провести остаток жизни в мягких туфлях, в уюте маленького кафе.

Только это возражение имело какую-то силу в глазах Мегрэ.

- А Антуан Кристен?

В самом деле, теперь в руках следователя уже два возможных преступника. Кристен тоже был любовником Алины Калас и еще больше, чем Пап, нуждался в деньгах.

- Те двое пользовались им в своих целях. Вот увидите, мы откроем, что он был их сообщником.

Вот чем становилась эта история после перемещения с набережной Вальми в кабинет Комельо. А пока истина выйдет на свет, за решеткой сидели трое.

Мегрэ был угрюм и сердит на себя тем больше, что он не попытался противиться Комельо, а уступил ему - из лени, из страха перед неприятностями.

С первых шагов работы в полиции Мегрэ знал - сначала от старших, а потом по собственному опыту, - что нельзя приступать к допросу подозреваемого, не имея ясного представления о деле. Ведь допрос заключается не в том, чтобы повторить недоказанные обвинения в надежде, что после нескольких часов подобной обработки человек во всем признается. Даже самый ограниченный из обвиняемых наделен как бы шестым чувством и сразу понимает, есть ли у полиции солидные доводы или она действует наобум.

Мегрэ всегда предпочитал не спешить. В трудных случаях, когда он не был уверен в себе, комиссару случалось оставлять подозреваемого на свободе столько времени, сколько требовали интересы дела. Конечно, это было связано с риском, но Мегрэ неизменно сопутствовал успех. Комиссар любил повторять, что человек, за которым долго следит полиция, при аресте испытывает облегчение: теперь ему ясно, как себя вести. Он больше не мучается вопросом, не следят ли за ним, не подозревают ли его, не подстраивают ли ему ловушку. Его обвиняют. Следовательно, он защищается. И отныне он под охраной закона. Находясь в тюрьме, он делается личностью почти священной. Все, что направлено против него, должно соответствовать ряду строгих правил.

Алина Калас это блистательно продемонстрировала. Очутившись в кабинете следователя, она не проронила ни слова. С таким же успехом Комельо мог бы беседовать с одним из камней, что перевозили братья Нод.

- Мне нечего вам сказать, - только и произнесла она своим бесстрастным голосом.

А так как Комельо забросал ее вопросами, она добавила:

- Вы не имеете права допрашивать меня без адвоката.

- Назовите имя своего адвоката.

- У меня его нет.

- Вот список членов парижской коллегии. Выбирайте.

- Я их не знаю.
- Назовите любое имя.
- У меня нет денег.

Пришлось назначать официального защитника, а это требовало дополнительного времени для ряда формальностей.

В конце дня Комельо вызвал к себе также Антуана Кристена. Рассыльный, несколько часов отбивавшийся от вопросов Лапуэнта, не сказал ничего нового и Комельо.

- Я не убивал Каласа. Я не был на набережной Вальми в субботу после полудня. Я не сдавал чемодан в камеру хранения. Кладовщик врет или ошибается.

Все это время мать Антуана с красными от слез глазами, стиснув в руке комочек платка, ждала в коридоре уголовной полиции. Разговаривать с ней выходил Лапуэнт. Потом его сменил Люкас. Женщина твердила, что хочет видеть комиссара Мегрэ.

С простыми людьми это обычная история: они думают, что ничего не добьются от подчиненных, и во что бы то ни стало хотят говорить с главным начальником.

Но комиссар не мог ее принять: в тот самый миг он выходил из кафе на набережной Вальми вместе с Жюделем и Дьедонне Папом.

- Закроешь потом дверь и принесешь ключ на Набережную, - сказал он Мерсу.

Втроем они перешли мост через канал и очутились на набережной Жемап. Улица Эклюз-Сен-Мартен была отсюда в двух шагах, в тихом, провинциального типа квартале за больницей Св. Людовика. Пап был без наручников. Мегрэ понимал, что такой человек не бросится наутек.

Пап вел себя со спокойным достоинством, роднившим его с г-жой Калас. Лицо его выражало грустную покорность судьбе. Он почти не разговаривал. Должно быть, он никогда не говорил много. В ответ на вопросы произносил лишь самые необходимые слова, а иногда не отвечал вовсе и только смотрел на комиссара. Цвет его глаз напоминал голубую лаванду.

Жил он в старом шестиэтажном доме довольно комфортабельного и приличного вида. Они прошли, не останавливаясь, мимо консьержки и поднялись на третий этаж. Пап открыл дверь слева.

Квартира его состояла из столовой, спальни и кухни, не считая кладовой, где комиссар не без удивления увидел ванну. Обстановка была хоть и не вполне современной, но значительно менее старой, чем на набережной Вальми. В квартире царила идеальная чистота.

- У вас есть прислуга? - с удивлением спросил Мегрэ.

- Нет.

- Вы сами убираете квартиру? Пап не мог сдержать удовлетворенной улыбки, гордясь своим жилищем.

- И консьержка никогда не поднимается помочь вам?

За кухонным окном был подвешен шкафчик, набитый съестными припасами.

- Вы и готовите себе сами?

- Всегда.

В столовой над комодом висела увеличенная фотография г-жи Калас в позолоченной раме, какие встречаются в большинстве небогатых буржуазных семей; она придавала квартире уютный семейный вид.

Вспомнив, что на набережной Вальми не было ни единой фотографии, Мегрэ спросил:

- Откуда у вас это фото?

- Я сам его сделал своим аппаратом и отнес увеличить на бульвар Сен-Мартен.

Фотоаппарат был в ящике комода. На маленьком столике в углу кладовой стояли стеклянные бачки и флаконы с химикалиями для проявления пленки.

- Вы увлекаетесь фотографией?

- Да. Особенно пейзажами.

Действительно, осматривая вещи, Мегрэ нашел множество снимков с видами Парижа и окрестностей. На многих были сняты канал и Сена. Пап, наверно, затратил немало часов, дожидаясь запечатленных им редких световых эффектов.

- Какой костюм вы надевали, когда ездили к сестре?

- Синий.

Пап имел три костюма, включая тот, что был сейчас на нем.

- Заберите их, - сказал Мегрэ Жюделю. - Туфли тоже.

Он присоединил туда же грязное белье, найденное в плетеной корзине.

Перед уходом Мегрэ вспомнил, что видел в комнате клетку со щеглом.

- Вы знаете кого-нибудь, кто согласится взять к себе птицу?

- Думаю, консьержка охотно это сделает.

Мегрэ захватил с собой клетку. К консьержке ему стучать не пришлось.

- Уж не собираетесь ли вы забрать его с собой? - гневно закричала эта особа.

Консьержка говорила не о щегле, а о своем жильце. Она узнала Жюделя, работавшего в этом квартале. Может быть, узнала также Мегрэ. И она читала газеты.

- Такого человека, самого лучшего в мире, обвинять в злодействе!

Консьержка была низенькая, смуглая, неопрятная. Голос ее звучал пронзительно. Казалось, она вот-вот вцепится в них, как кошка, настолько она разъярилась.

- Не могли бы вы некоторое время позаботиться о птице?

- Посмотрим, что вам скажут жильцы и все жители квартала! А к вам, мсье Дьедонне, мы все будем приходить в тюрьму.

В известном возрасте у женщин из народа часто появляется своеобразный культ старых холостяков или вдовцов типа Дьедонне Папа из-за их размеренной жизни. Трое мужчин были уже далеко, а она все еще стояла на тротуаре, плакала и махала им вслед.

Мегрэ сказал Жюделю:

- Отнеси одежду и обувь Мерсу. Он знает, что с ними делать. Продолжайте наблюдение за домом на набережной Вальми.

Мегрэ организовал это наблюдение без особых намерений, просто для того, чтобы не давать впоследствии повода для упреков. Дьедонне Пап покорно ждал у края тротуара и, когда они тронулись в путь вдоль канала в поисках такси, старательно подлаживал свой шаг к шагу Мегрэ.

В машине он молчал, и Мегрэ ни о чем его не спрашивал. Набив трубку, комиссар протянул табак спутнику:

- Курите?

- Нет.

- А сигареты?

- Я вообще не курю.

Мегрэ все же задал вопрос, который, впрочем, не имел никакого отношения к смерти Каласа:

- Вы и не пьете?

- Нет.

Еще одна аномалия. Мегрэ было трудно увязать это с прочим. Г-жа Калас была алкоголичка, она начала пить давно, вероятно, еще до знакомства с Папом. Трезвый же человек обычно с трудом переносит присутствие пьющего.

Комиссар знал несколько пар, более или менее сходных с той, которую образовали г-жа Калас и Дьедонне Пап. В каждом из случаев, какие он мог припомнить, пили и мужчина, и женщина.

Все эти мысли и образы бессознательно проносились в его уме, когда он сидел за столом, а жена наблюдала за ним. Думал он и о многом другом.

Например, о матери Антуана. Он застал ее в коридоре уголовной полиции и проводил к себе в кабинет. К тому времени он уже передал подследственного Люкасу, сказав:

- Предупреди Комелью, что Пап здесь. Если следователь захочет поговорить с ним - проводи его в кабинет, если нет - отправь в предварилку.

Пап молча последовал за Люкасом в один из кабинетов, а Мегрэ удалился с матерью Антуана.

- Клянусь вам, господин комиссар, мой сын не мог этого сделать. Он ведь и мухи не обидит. Сейчас такая мода у молодежи - казаться сорвиголовами, но я-то его знаю: он просто ребенок.

- Я вам верю, сударыня.

- Если верите, верните мне его! Обещаю вам, я не выпущу его больше из дому по вечерам и не дам ему встречаться с женщинами. Подумать только, эта негодяйка - почти моя ровесница и не постыдилась связаться с мальчишкой, которому в матери годится! Чужло мое сердце последнее время, что с ним что-то неладно. Когда я заметила, что он покупает косметику для волос, два раза на дню чистит зубы и от него даже духами стало пахнуть, я сказала себе...

- У вас нет других детей?

- Нет, господин комиссар, все мои заботы были о нем одном: ведь его отец умер от туберкулеза. Я все для него делала, господин комиссар. Если б только я могла его видеть, говорить с ним! Вы думаете, мне этого не разрешат? Не позволят матери увидеть сына?

Мегрэ мог только отослать ее к Комелью. Он сам понимал, что это не очень честно, но у него не было выбора. Она, вероятно, все еще сидела там, наверху, в коридоре, и Мегрэ не знал, примет ли ее в конце концов следователь.

Около шести вечера на набережную Орфевр вернулся Мере и передал Мегрэ ключ от бистро. Комиссар положил этот тяжелый, старинный ключ в карман, где уже лежал один - от квартиры Папа.

- Жюдель принес тебе одежду, обувь и белье?

- Да. Они у меня в лаборатории. Искать следы крови?

- В первую очередь. Может быть, завтра утром я тебя пошлю к нему на квартиру.

- Я приду еще поработать вечером, только схожу поем. Дело срочное?

Оно всегда было срочное. Если следствие затянется - следы утратят свежесть, а преступники успеют принять контрмеры.

- Где вы будете вечером?

- Пока не знаю. Уходя, оставь мне записку на столе. Мегрэ встал из-за стола, набил трубку и взглянул на кресло, раздумывая, что делать дальше. Г-жа Мегрэ рискнула предложить:

- А что, если ты сегодня отдохнешь? Не думай о работе. Почитай, а если хочешь, пойдем в кино, и завтра ты проснешься со свежей головой.

Он усмехнулся:

- Тебе хочется в кино?

- В "Модерне" идет неплохой фильм.

Жена поставила перед ним кофе. Не спеша он выпил его. Потом стал расхаживать по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы поправить дорожку.

- Нет! - решил он наконец.

- Уходишь?

- Да.

Прежде чем надеть пальто, он налил себе стопку сливянки.

- Вернешься поздно?

- Не знаю. Вряд ли.

Потому, может быть, что он не ощущал важности предстоящего ему дела, он не взял такси, не вызвал машину с Набережной, а дошел до метро и доехал до станции Шато-Ландон.

Квартал снова приобрел свой тревожный ночной облик. Подозрительные тени скользили вдоль домов. На тротуарах застыли неподвижные женские фигуры, и аквамариновые огни баров делали их похожими на аквариумы.

В нескольких шагах от бистро Каласа стоял какой-то человек; когда Мегрэ подошел к двери, человек бросился к нему, и в глаза комиссару ударил яркий свет электрического фонарика.

- Ох, извините, господин комиссар, я не узнал вас в темноте.

Это был один из агентов Жюделя.

- Есть что-нибудь?

- Ничего. Впрочем, нет. Не знаю, интересно ли это. Час назад по набережной проезжало такси и метрах в пятидесяти от бистро замедлило ход, но не остановилось.

- Кто был в машине?

- Женщина. Когда машина шла мимо фонаря, я успел заметить, что она молодая, без шляпы и в сером пальто. Потом такси снова набрало скорость и свернуло налево, на улицу Луи-Блан.

Возможно, Люсетта Калас приезжала убедиться, что мать еще не выпущена на свободу? Из газет она знала, что ее увезли на набережную Орфевр, других сообщений до сих пор не было.

- Она тебя заметила?

- Вероятно. Жюдель не давал мне указаний прятаться. Я тут хожу взад и вперед, чтобы согреться.

Можно было допустить и другую гипотезу: Люсетта Калас хотела войти в дом, если бы за ним не следили. В таком случае, что ей там было нужно?

Мегрэ пожал плечами, вынул ключ из кармана и повернул его в замке. Он не сразу нашел выключатель. Зажглась только одна лампа; чтобы зажечь светильник в глубине зала, нужно был разыскать второй около стойки.

Перед уходом Мере и его помощники вновь поставили все на прежнее место, так что в обстановке бистро ничего не изменилось, только погасла печка и стало холоднее. Когда Мегрэ направился к кухонной двери, он невольно подскочил: что-то бесшумно зашевелилось возле него. Только через несколько секунд он сообразил, что перед ним тот самый кот, которого он сегодня оставил в лавке у мясника.

Животное терлось о его ноги, и Мегрэ наклонился погладить его, бормоча:

- Ты как сюда попал?

Это его озадачило. Дверь из кухни во двор была закрыта на засов. Окно также было затворено. Мегрэ поднялся по лестнице, включил свет на втором этаже и, увидев приоткрытое окно, понял, в чем дело. Во дворе соседнего дома стоял сарай, крыша которого, крытая оцинкованным железом, находилась метрах в двух от окна Каласов. С нее кот и прыгнул.

Мегрэ сошел вниз и налил коту молока из фаянсового кувшина.

- Что же теперь? - сказал он вслух, как будто обращаясь к животному.

Интересно, на кого они были похожи вдвоем в этом пустынном доме?

Он никогда прежде не думал, как одиноко и тоскливо выглядит стойка бистро, возле которой нет ни хозяина, ни клиентов. А ведь именно такой вид был у этой комнаты каждый вечер, когда Калас, выпроводив последних посетителей, закрывал ставни и замыкал на ключ входную дверь.

Они с женой оставались вдвоем, гасили свет, проходили через кухню и шли наверх спать. Г-жа Калас чаще всего была в состоянии тупого оцепенения от выпитого за день коньяка.

Приходилось ли ей прятаться от мужа, когда она пила? Или он, получая ежедневную разрядку от послеобеденных прогулок в город, снисходительно прощал жене ее страсть к бутылке?

Мегрэ вдруг поразила мысль, что в этой истории есть человек, о котором он почти ничего не знает, - это погибший. С самого начала он был для всех только трупом, разрезанным на куски. Любопытно, что люди неодинаково реагируют - будь то жалость или отвращение - на целый труп и на части тела, найденные в разных местах. В последнем случае мертвый становится чем-то безликим, почти балаганным, и хорошо еще, когда о нем говорят без улыбки.

Мегрэ не видел ни головы Каласа, ни его фотографии. Голову так и не нашли и теперь уж, конечно, не найдут.

Этот человек был из крестьян, низкого роста, коренастый; он каждый год ездил покупать вино у виноделов Пуатье, носил костюмы из довольно тонкой шерсти и играл после полудня на бильярде где-то у Восточного вокзала.

Были ли в его жизни другие женщины, кроме жены? Знал он или нет, что происходит дома в его отсутствие? Он не мог не встретиться с Папом и, если только у него была хоть капля сообразительности, должен был угадать отношения, установившиеся между Папом и его женой.

Эти двое походили не столько на любовников, сколько на старых супругов, связанных мирным и глубоким чувством на основе взаимного понимания, снисходительности и той особой нежности, которая встречается только у людей пожилых и много прощавших друг другу.

Если муж знал, то смирялся ли он? Закрывал ли на все глаза или, напротив, устраивал жене скандалы? И как он реагировал на других, на тех, кто, подобно Антуану, приходил тайком пользоваться слабостью его жены? Знал ли он о них?

Мегрэ в конце концов подошел к стойке. Рука его помедлила перед бутылками и взяла ту, в которой был кальвадос. Он подумал, что нужно не забыть опустить деньги в выдвижной ящик-кассу. Кот уселся у печки, но не задремал, удивленный отсутствием привычного тепла.

Мегрэ понимал отношения между г-жой Калас и Папом. Понимал также Антуана и прочих, сменявших друг Друга.

Не понимал комиссар только Каласа и его жену. Как и почему они сошлись, поженились и прожили вместе столько лет? Они даже к дочери, казалось, не проявляли никакого интереса, равно как и у той не было с ними ничего общего.

Не было ни единой фотографии, никакой переписки, которые могли бы пролить какой-то свет, не было вообще ничего, что в обстановке дома позволяет угадать внутренний мир его обитателей.

Мегрэ осушил рюмку кальвадоса, угрюмо налил вторую и уселся за стол, за которым обычно сидела г-жа Калас.

Он выбил трубку о каблук, снова набил ее табаком, раскурил и неподвижно уставился на стойку с рюмками и бутылками. Комиссар спрашивал себя: не нащупывает ли он сейчас ответ на свой вопрос или хотя бы на часть его?

Из чего, в общем, состоял этот дом? Из кухни, где не ели, так как супруги обедали за столом в бистро, и из комнаты наверху, служившей только спальней.

И Калас, и его жена жили именно здесь, в бистро, которое заменяло им то, чем в обычных семьях бывает столовая или общая комната. А когда эта чета прибыла в Париж, разве не здесь, на набережной Вальми, она сразу же обосновалась и уже не переезжала больше?

У Мегрэ теперь даже было впечатление, что это проливает новый свет и на отношения г-жи Калас с Дьедонне Папом.

Мысли Мегрэ были еще очень смутны, тем не менее вялость, которая сковывала его столько часов, исчезла. Осушив рюмку, он направился к телефонной кабине и набрал номер дома предварительного заключения.

- Говорит комиссар Мегрэ. Кто у телефона?.. Это вы, Жори?.. Как ведет себя ваша новая подопечная?.. Ну да, жена Каласа... Как? И что вы сделали?

Жори жаловался: она дважды вызывала надзирателя и пыталась уговорить принести ей немного спиртного, обещая заплатить любую цену. Жори не приходило в голову, как страшно она мучается от этого лишения.

Мегрэ не мог посоветовать нарушить тюремные правила. Завтра утром он, наверное, сам принесет ей спиртного или передаст ей его у себя в кабинете.

- Прошу вас заглянуть в ее документы. Там должно быть удостоверение личности. Я знаю, что она родом откуда-то из-под Жьена, но не помню названия деревни.

Ждать пришлось довольно долго.

- Как?.. Буассанкур, почтовое отделение Сент-Андре, Буассанкур с двумя "с"?.. Спасибо, старина! Доброй ночи! Не будьте к ней слишком строги.

После этого Мегрэ вызвал справочное бюро и назвал себя.

- Будьте добры, мадмуазель, поищите Буассанкур, почтовое отделение Сент-Андре, между Монтаржи и Жьеном, и прочтите мне список абонентов.

- Вы будете у телефона?

- Да.

В этот раз он ждал недолго: видимо, дежурную воодушевляла мысль, что она сотрудничает со знаменитым комиссаром Мегрэ.

- Вы записываете?

- Д'Айвар, Дубовая улица, без профессии.

- Дальше.

- Анслен Виктор, мясник. Номер нужен?

- Нет.

- Оноре де Буассанкур, замок Буассанкур.

- Дальше.

- Доктор Камюзе.

- Дайте, пожалуйста, номер.

- Семнадцать.

- Затем?

- Калас Робер, скототорговец.

- Номер?

- Двадцать один.

- Калас Жюльен, бакалейщик. Номер три.

- Есть еще Каласы?

- Нет. Остались Луше, без профессии, Пьебеф, коммивояжер, и Симонен, торговец зерном.

- Вызовите мне, пожалуйста, первого из Каласов, а потом и второго.
- Он слышал, как переговаривались на линии телефонистки и как одна сказала:
- Сент-Андре слушает.
- Потом долго вызывали номер 19, пока наконец не послышался другой женский голос:
- Кто там еще?
- Говорит комиссар Мегрэ из парижской уголовной полиции. Вы госпожа Калас?.. Ваш муж дома? Оказывается, он лежит в постели с гриппом.
- Вы из тех Каласов, что и некий Омер Калас?
- А что с ним стряслось? Что-нибудь натворил?
- Вы его знаете?
- Никогда не видела. Я ведь не здешняя, а из Верхней Луары, и он уже уехал, когда я вышла замуж.
- Он брат вашего мужа?
- Двоюродный. Здесь живет еще один брат, Жюльен, он бакалейщик.
- Вы больше ничего о нем не знаете?
- Об Омере? Не знаю, да и знать не хочу. Она, должно быть, повесила трубку, так как голос телефонистки спросил:
- Вызывать второго Каласа, господин комиссар? На этот раз ответили быстрее и говорил мужчина. Он был еще неразговорчивее.
- Я вас хорошо слышу. Но что вам, собственно, от меня нужно?
- Омер Калас ваш брат?
- У меня был брат, которого звали Омер.
- Он умер?
- Я о нем ничего не знаю. Вот уже больше двадцати лет, почти двадцать пять, я не имею о нем сведений.
- Некий Омер Калас убит в Париже.
- Я слышал это недавно по радио.
- Вы слышали также его приметы. Они подходят к вашему брату?
- Спустя столько лет трудно сказать.
- Вы знали, что он жил в Париже?
- Нет.
- Что он был женат? Молчание.
- Вы знаете его жену?
- Послушайте, я ничего не знаю. Когда брат уехал, мне было пятнадцать. С тех пор я его не видел. Никогда не получал от него писем и не стараюсь ничего узнать. Если вам нужны сведения, обратитесь лучше к господину Канонжу.
- Кто это?
- Нотариус.
- Когда Мегрэ наконец соединили с квартирой нотариуса, жена Канонжа воскликнула:
- Вот совпадение так совпадение!
- Что именно?
- То, что вы позвонили. Как вы узнали? Мой муж только что, услышав по радио последние известия, говорил, что он должен либо позвонить, либо поехать к вам. Он решил все-таки поехать

в Париж и сел на поезд восемь двадцать две. Он будет на Аустерлицком вокзале в первом часу ночи, во сколько точно - не знаю.

- В какой гостинице он обычно останавливается?

- Раньше поезд шел до вокзала Орсе, и муж привык останавливаться в гостинице "Орсе".

- Как он выглядит?

- Красивый мужчина, высокий, статный, седой. В коричневом пальто, коричневом костюме, в руках портфель и кожаный чемодан. Я все спрашиваю себя: почему вы о нем подумали?

Когда Мегрэ опустил трубку, на губах его играла Довольная улыбка. Он хотел было выпить еще рюмку, но потом решил, что успеет это сделать на вокзале.

Оставалось лишь позвонить г-же Мегрэ и предупредить, что он вернется поздно ночью.

8. Нотариус из Сент-Андре

Г-жа Канонж не преувеличивала. Муж ее был действительно красивый мужчина, лет шестидесяти, похожий больше на солидного рантье, чем на скромного провинциального нотариуса. Мегрэ, стоя возле ограды у входа на перрон, узнал его издали: он был выше остальных пассажиров, прибывших поездом в ноль двадцать две, шел размашистым шагом, с кожаным чемоданом в одной руке и с портфелем в другой, и по уверенности его осанки нетрудно было угадать завсегдатая и этого вокзала, и даже этого поезда.

Высокий и представительный, он один в толпе был одет с почти чрезмерной изысканностью. Его коричневое пальто было редкого каштанового оттенка - Мегрэ раньше не доводилось такого видеть, - а покрой выдавал дорогого портного.

Превосходный цвет его лица оттенялся серебристой сединой, и даже в тусклом свете вокзала было видно, что это человек холеный, чисто выбритый, от которого наверняка пахнет хорошими духами.

Канонж был метрах в пятидесяти от ограды, когда взгляд его обнаружил Мегрэ в группе встречающих. Брови Канонжа слегка нахмурились, как у человека не уверенного в своей памяти. Наверно, он тоже часто видел фотографии Мегрэ в газетах. Подойдя ближе, он все не решался улыбнуться и протянуть руку.

Мегрэ сам сделал несколько шагов ему навстречу:

- Мэтр Канонж?

- Да. А вы комиссар Мегрэ? Он поставил чемодан на землю и пожал протянутую руку:

- Вы не станете утверждать, что оказались здесь случайно?

- Нет. Я звонил вам сегодня вечером. Ваша жена сообщила, что вы уехали и что обычно вы останавливаетесь в гостинице "Орсе". Я счел более надежным встретить вас здесь.

Оставалась еще одна деталь, непонятная нотариусу:

- Вы прочли мое объявление?

- Нет.

- Любопытно! Полагаю, сначала нам нужно выйти отсюда. Вы поедете со мной в гостиницу? Они сели в такси.

- Я приехал в Париж специально для того, чтобы встретиться с вами. Собирался позвонить вам завтра же утром.

Мегрэ не ошибся. От его спутника действительно пахло духами и дорогим табаком.

- Госпожа Калас в тюрьме?

- Следователь Комельо подписал постановление об аресте.

- Это совершенно необычная история. Они ехали вдоль набережных, через десять минут были в гостинице “Орсе”, портье которой встретил нотариуса как старого клиента.

- Ресторан уже закрыт, Альфред?

- Да, господин Канонж.

Нотариус пояснил Мегрэ то, что комиссар знал и без него:

- До войны поезда линии Орлеан - Париж прибывали сюда, и вокзальный ресторан был открыт всю ночь. Это было удобно. Думаю, что беседа в гостиничном номере вас не слишком привлекает? Может быть, пойдём куда-нибудь, выпьем по стаканчику?

Идти пришлось довольно далеко, пока на бульваре Сен-Жермен они не нашли еще открытый ресторан.

- Что будете пить, комиссар?

- Кружку пива.

- У вас найдется для меня приличная водка, официант?

Сбросив шляпы и пальто, оба удобно уселись. Мегрэ раскурил трубку. Канонж обрезал кончик сигары складным серебряным ножичком.

- Я думаю, вам никогда не приходилось бывать в Сент-Андре?

- Никогда.

- Это в стороне от большой дороги, и там нет ничего интересного для туристов. Если я правильно понял из сегодняшней передачи, человек из канала Сен-Мартен, расчлененный на куски, есть не кто иной, как эта каналья Калас?

- Отпечатки его пальцев соответствуют тем, что найдены в доме на набережной Вальми.

- Когда я прочел в газетах о найденном теле, интуиция подсказала мне, что это он. Я даже чуть не позвонил вам.

- Вы знали Каласа?

- Очень давно. Более знакома мне та, которая стала его женой. Ваше здоровье! Сейчас я спрашиваю себя, с чего начать, потому что эта история сложнее, чем можно подумать. Алина Калас вам не говорила обо мне?

- Нет.

- Вы считаете, что она замешала в убийстве мужа?

- Не знаю. Следователь в этом убежден.

- Что она сказала в свою защиту?

- Ничего.

- Она созналась?

- Нет. Она просто молчит.

- Знаете, комиссар, это самый необыкновенный человек, которого я встречал в жизни. А уж мы-то в деревнях видим достаточно феноменов, уверяю вас.

Собеседник Мегрэ, должно быть, привык к вниманию слушателей; он и сам не без удовольствия слушал себя, держа сигару в холеных пальцах, на одном из которых красовался золотой перстень с печаткой.

- Лучше, пожалуй, начать с начала. Вы, очевидно, ничего не слышали об Оноре де Буассанкуре? Комиссар покачал головой.

- Еще месяц назад он был одним из богатейших людей в наших краях. Кроме замка Буассанкур ему принадлежали полтора десятка ферм общей площадью две тысячи гектаров, да добрая тысяча

гектаров леса, да два пруда. Если вы знакомы с провинцией, вы представляете себе, что это значит.

- Я родился в деревне.

Мегрэ не только родился в деревне: отец его служил управляющим в имении, весьма похожем на то, о котором говорил нотариус.

- Теперь следует вам рассказать, что за человек был этот Буассанкур. Для этого мне придется начать с его деда, которого звали не Буассанкур, а Дюпре, Кристоф Дюпре. Он был сыном фермера, торговал сначала скотом и, так как был плут и выжига, быстро сколотил себе состояние. Думаю, вам приходилось встречать людей такого склада.

У Мегрэ было впечатление, что вернулись годы детства; у них в деревне тоже был свой Кристоф Дюпре, ставший одним из самых богатых людей края; сын его сейчас сенатор.

- Затем Дюпре принялся скупать и перепродавать зерно, спекуляции его шли успешно, и на вырученные деньги он покупал землю - одну ферму, другую, третью, так что в руках его, незадолго до смерти, оказался и замок Буассанкур со всеми угодьями, принадлежавший до этого бездетной вдове. У Кристофа были сын и дочь. Дочь он выдал за кавалерийского офицера, а сын по смерти отца стал именовать себя Дюпре де Буассанкур. Мало-помалу "Дюпре" исчезло, и под конец, пройдя в члены Генерального совета департамента, он добился декрета, узаконившего его новое имя.

Все это также было близко к воспоминаниям Мегрэ.

- Вот то, что относится к предшествовавшим поколениям. Оноре де Буассанкур - внук Кристофа Дюпре, основателя династии, так сказать. Месяц назад он умер.

Некогда он женился на девице Эмили д'Эсписак из старинной разорившейся семьи, жившей по соседству. Жена родила ему дочь и вскоре после этого погибла, упав с лошади. Ребенок был тогда совсем крошкой. Я хорошо знал мать, милую, меланхоличную женщину, которая безропотно пожертвовала собою ради родителей. Говорили, что Буассанкур дал им миллион в уплату за дочь. Как семейный нотариус, могу свидетельствовать, что цифра эта преувеличена; тем не менее верно, что старая графиня д'Эсписак получила в день подписания брачного контракта солидную сумму.

- Что представлял собой последний Буассанкур?

- Я как раз подхожу к этому. Я был его нотариусом. Много лет каждую неделю обедал в его замке и охотился на его землях. Следовательно, хорошо его знал. Прежде всего, он был хром, что отчасти объясняет его вечную угрюмость. К тому же история его семьи была всеобщим достоянием, двери большинства замков были перед ним закрыты, и это отнюдь не располагало его к общительности.

Всю жизнь ему казалось, что его презирают и собираются обворовать, так что время свое он проводил в непрерывной обороне, хотя никто на него не нападал.

В одной из башен замка он устроил себе нечто вроде рабочего кабинета. Целыми днями он сидел над счетами не только фермеров и сторожей, но и самых незначительных поставщиков, исправляя красными чернилами подсчеты мясника и бакалейщика. Он часто спускался на кухню в час обеда прислуги и проверял, достаточно ли дешевые блюда им готовят.

Думаю, я не слишком нарушаю свой профессиональный долг, выдавая вам эти подробности: любой человек в Сент-Андре мог бы рассказать вам то же самое.

- Госпожа Калас - его дочь?

- Вы угадали.

- А Омер Калас?

- Он четыре года служил лакеем в замке. Отец его, поденщик, был жалким пьяницей. Вот мы и подошли к событиям, случившимся в замке четверть века назад.

Канонж остановил пробежавшего официанта и спросил Мегрэ:

- На сей раз вы со мной выпьете? Две водки, официант!.. Конечно, - продолжал он через мгновение, повернувшись к комиссару, - вы не подозревали ни о чем подобном, посещая бистро на набережной Вальми.

Утверждение это было не совсем верным. Комиссар отнюдь не был поражен тем, что услышал.

- Мне случалось разговаривать об Алине со старым доктором Петрелем. К несчастью, он умер, и его сменил Камюзе. Камюзе не знал Алину и не сможет вам ничего о ней сказать. Я же, как вы понимаете, не способен изложить ее историю при помощи медицинских терминов.

Еще ребенком она отличалась от других девочек, в ней было нечто приводившее в замешательство. Она никогда ни с кем не играла и не ходила в школу. Отец желал, чтобы с ней занималась частная учительница. В замке сменилась целая дюжина воспитательниц, так как ребенок делал их существование невыносимым.

Считала ли она отца ответственным за то, что живет иначе, чем другие дети? Или же, как утверждал Петрель, все было гораздо сложнее? Не знаю. Девочки, кажется, чаще обожают отца, иной раз до чрезмерности. У нас с женой не было детей, и я не имею опыта. Может быть, детское обожание способно превратиться в ненависть?

Как бы там ни было, ребенок стремился лишь к одному: доводить отца до отчаяния. В двенадцать лет она пыталась поджечь дом. На какое-то время поджоги стали ее манией - приходилось следить за каждым ее шагом.

Потом появился Омер. Лет на пять-шесть старше ее, красавчик по крестьянским понятиям, он был грубым, крепким парнем с наглыми глазами, способным за спиной хозяина выкинуть что угодно.

- Вы замечали, что происходило между ними? - спросил Мегрэ, глядя на почти пустой зал и на официантов, ожидающих ухода последних клиентов - Тогда - нет. Именно об этом мы и говорили позже с Петрелем. Доктор считал, что интерес к Омеру у нее появился в тринадцать-четырнадцать лет. Это бывает и у других девочек, но обычно носит неясный и платонический характер.

То ли с Алиной дело обстояло иначе, то ли Омер не страдал избытком совестливости и вел себя с ней более цинично, чем обычно ведут себя в подобных ситуациях мужчины - во всяком случае, Петрель был убежден, что определенного рода отношения между ними продолжались долгое время. Он склонен был во многом объяснять их стремлением Алины огорчать и мучить отца. Возможно. Я в этом не разбираюсь и если останавливаюсь сейчас на этих подробностях, то лишь для того, чтобы сделать более понятным остальное.

Однажды - тогда ей еще не исполнилось и семнадцати - она тайком побывала у врача, и тот установил, что она беременна.

- Как она встретила это известие? - спросил Мегрэ.

- Петрель рассказывал мне, что она пристально и мрачно посмотрела на него и произнесла сквозь зубы:

"Тем лучше!" Учтите, что Калас тем временем женился на дочери мясника, которая тоже была от него беременна и родила несколькими неделями раньше. Не имея другого ремесла, он продолжал служить лакеем в замке, а жена его жила у своих родителей.

В одно прекрасное утро деревня узнала, что Алина де Буассанкур и Омер Калас исчезли.

Слуги рассказывали о драматической сцене, которая разыгралась накануне между отцом и дочерью. Более двух часов из малой гостиной доносились их яростные голоса.

Насколько я знаю, Буассанкур никогда не пытался отыскать дочь, она тоже никогда ему не писала.

Что касается первой жены Каласа, она года три страдала какой-то нервной болезнью, пока наконец ее не нашли повесившейся в саду.

Официанты громоздили стулья на столы; один из них смотрел на Мегрэ и нотариуса, держа в руке большие серебряные часы.

- Пожалуй, надо дать им закрыть, - высказался Мегрэ.

Канонж настоял на том, что платить будет он. Они вышли. Ночь была прохладной и звездной. Некоторое время они шли молча. Затем нотариус предложил:

- Давайте поищем какое-нибудь другое место и выпьем по последней?

Занятые своими мыслями, они прошли добрую половину бульвара Распайль и отыскиали на Монпарнасе маленький освещенный ночной бар, из которого глухо доносилась музыка.

- Войдем?

Они не стали садиться за столик и устроились у стойки, где девицы приставали к толстому пьяному мужчине.

- Пьем то же самое? - спросил Канонж, вынимая из кармана новую сигару.

Несколько пар танцевали. Из дальнего угла зала вышли две женщины и уселись возле Мегрэ и его спутника, но комиссар жестом остановил их.

- В Буассанкуре и Сент-Андре есть и другие Каласы, - сказал нотариус.

- Знаю. Скототорговец и бакалейщик. Канонж коротко рассмеялся:

- Вот было бы забавно, если бы торговец скотом так разбогател, чтобы, в свою очередь, купить замок и землю! Один Калас - родной брат Омера, другой - двоюродный. Есть еще сестра, она замужем за жандармом в Жьене. Когда месяц тому Буассанкур скончался от кровоизлияния в мозг, я побывал у всех троих, чтобы выяснить, имеют ли они какие-нибудь сведения об Омере.

- Минутку! - прервал Мегрэ. - Разве Буассанкур не лишил дочь наследства?

- У нас все были в этом уверены. Все спрашивали, кто же будет наследником: ведь в деревне каждый в какой-то степени зависит от замка.

- Но вы-то знали?

- Нет. Известно, что за последние годы Буассанкур составил несколько завещаний разного содержания, но он не передавал их мне на хранение. Наверное, рвал их одно за другим, потому что в конечном счете не нашли ни одного.

- Значит, все его имущество переходит к дочери?

- Автоматически.

- Вы поместили объявление в газетах?

- Ну да, как это обычно делается. Я не указывал там имени Каласа, потому что не знал, оформили они свой брак или нет. Эти объявления мало кто читает, и я не возлагал на него особых надежд.

Рюмка нотариуса была пуста, он снова поглядывал на бармена. Лицо его порозовело, глаза блестели. Наверное, он выпил рюмку-другую еще до приезда в Париж, в вагоне-ресторане.

- Повторим, комиссар?

Вероятно, Мегрэ тоже пил больше, чем следовало. Он не стал отказываться. Его наполняло приятное чувство удовлетворения - и физического, и умственного. Ему казалось даже, что он наделен шестым чувством, которое позволяет ему перевоплощаться в участников этой истории.

Разве не мог бы он разобраться во всем сам, без помощи нотариуса? Несколько часов назад он был не так уж далек от истины. Доказательством служит то, что ему пришла мысль позвонить в Сент-Андре.

Пусть он не все разгадал - его представление о г-же Калас вполне соответствовало тому, что он теперь услышал.

- Она начала пить, - проговорил он негромко, внезапно охваченный желанием тоже высказаться.

- Знаю. Я ее видел.

- Когда? На прошлой неделе?

И здесь он предчувствовал истину. Но Канонж не дал ему говорить: он, наверное, не привык, чтобы его перебивали.

- Позвольте же мне, комиссар, изложить все по порядку. Не забывайте, я нотариус, а нотариусы - народ скрупулезный.

При этих словах он засмеялся, и девица, сидевшая от него через два табурета, поспешила воспользоваться случаем и спросить:

- Можно мне тоже заказать рюмочку?

- Сделайте одолжение, малютка, только не вмешивайтесь в наш разговор: он более важен, чем вы себе можете представить.

Удовлетворенный, нотариус повернулся к Мегрэ:

- Итак, три недели мое объявление не приносило никаких результатов, если не считать писем от двух-трех сумасшедших.

Обнаружить Алину мне в конечном счете помогла редчайшая из случайностей. С неделю назад мне вернули из Парижа охотничье ружье, которое я посылал в починку. Я был дома, когда его принесли, и сам открыл дверь шоферу грузовика "Срочные перевозки".

- Это был грузовик транспортной конторы "Зенит"?

- Вы о ней знаете? Правильно. Я предложил водителю стаканчик вина, как это принято в деревне.

Бакалейная лавка Каласа расположена на площади как раз перед окнами моего дома. Попивая вино, шофер посмотрел в окно и бросил:

"Интересно, не родня ли они хозяину бистро с набережной Вальми?"

"На набережной Вальми есть какой-то Калас?"

"Жалкий кабачишка, где я был только раз на прошлой неделе, - меня туда привел наш табельщик".

Мегрэ готов был поклясться, что этим табельщиком был Дьедонне Пап.

- Вы не спросили, был ли табельщик рыжим?

- Нет. Я спросил, как зовут того Каласа, о котором шла речь. Водитель смутно помнил, что видел его имя на вывеске. Я подсказал: "Омер", и он подтвердил, что хозяина бистро звали именно так.

На всякий случай я на следующий день отправился в Париж.

- Вечерним поездом?

- Нет, утренним.

- В котором часу вы были на набережной Вальми?

- Часа в три пополудни. Я не сразу узнал женщину, которую застал в темном бистро. Я спросил, не она ли госпожа Калас, и получил утвердительный ответ. Потом я осведомился, как ее имя. Мне показалось, что она пьяна. Она пьет, не так ли?

Пусть на другой лад, но нотариус тоже пил: глаза его, казалось, налились водой.

Мегрэ не помнил, наливали ли им еще раз. Девушка сидела теперь рядом с нотариусом и держала его за руку. Вряд ли она его слушала, так как лицо ее было лишено всякого выражения. Между тем нотариус рассказывал.

"Вы урожденная Алина де Буассанкур?" - спросил я ее.

Она смотрела на меня и не возражала. Припоминаю, что она сидела у печки с большим рыжим котом на коленях.

Я продолжал:

"Вы знаете о смерти вашего отца?"

Она отрицательно покачала головой, не обнаружив ни удивления, ни волнения.

"Я был его нотариусом и теперь занимаюсь вопросом о наследстве. Ваш отец, госпожа Калас, не оставил завещания, следовательно, замок, земли и все имущество переходят к вам".

Она спросила:

"Как вы узнали мой адрес?"

"От одного шофера, который как-то побывал здесь".

"Больше никто о нем не знает?"

"Думаю, что нет".

Она встала и пошла на кухню.

"Чтобы приложиться к бутылке с коньяком", - подумал Мегрэ.

- Когда она вернулась, у нее было готово решение, - продолжал нотариус.

"Я не хочу принимать эти деньги, - заявила она равнодушным голосом. - Я ведь имею право отказаться от наследства?"

"Конечно, такое право имеет каждый. Однако..."

"Что "однако"?"

"Я советую вам не принимать поспешных решений и подумать".

"Я подумала. Я отказываюсь. У меня, наверное, есть также право требовать, чтобы вы не разглашали, где я живу?"

Говоря это, она беспокойно поглядывала на улицу, как будто боялась, что кто-то может войти, скорее всего муж. Так мне, по крайней мере, показалось.

Как полагается, я настаивал. Я ведь не нашел других наследников Буассанкура.

"Без сомнения, мне лучше прийти еще раз", - предложил я.

"Нет. Не приходите. Омер ни в коем случае не должен вас здесь видеть. - Она добавила со страхом:

- Это был бы конец всему!"

"Вы не думаете, что должны посоветоваться с мужем?"

"Меньше всего с ним!"

Я долго убеждал ее и перед уходом вручил ей свою визитную карточку, попросив позвонить или написать, если она в ближайшие недели изменит решение. В это время вошел клиент, который показался мне другом дома.

Рыжий, рябоватый?

Кажется, да.

Что же произошло?

Ничего. Она опустила карточку в карман фартука и проводила меня до двери. - Когда это было?

- В прошлый четверг.

- Вы больше не видели ее?

- Нет. Но видел ее мужа.

- В Париже?

- У себя в конторе, в Сент-Андре.

- Когда?

- В субботу утром. Он приехал в Сент-Андре в пятницу во второй половине дня. В тот же день приходил ко мне часов в восемь вечера. Я играл тогда у доктора в бридж, и прислуга велела ему прийти на следующий день, - Вы узнали его?

- Да, хотя он и располнел. Он, должно быть, ночевал на постоялом дворе, где ему сказали о смерти Буассанкура. Разумеется, он узнал также, что его жена является наследницей. Он повел себя чрезвычайно нагло, утверждая, что имеет право принять наследство от имени жены. Они вступили в брак без брачного контракта, иными словами, на условиях общности имущества.

- Так что ни один из них ничего не может сделать без другого?

- Именно это я ему и растолковал.

- Вам не показалось, что он уже говорил с женой на эту тему?

- Нет. Вначале он даже не знал, что она отказалась от наследства. Он, кажется, думал, что она все получила тайком от него. Было бы слишком долго передавать вам подробности нашего разговора. По-моему, он нашел мою карточку, которую выронила его жена, конечно, забыв о ней. Зачем мог приходиться на набережную Валь-ми нотариус из Сент-Андре, как не по вопросу о наследстве Буассанкура?

Только в моем доме у него мало-помалу открылись глаза на истинное положение дел. Он ушел взбешенный, заявив, что скоро даст знать о себе.

- Больше вы его не видели?

- Я ничего больше и не слышал о нем. Это было утром в субботу. Он сел в автобус на Монтаржи, где пересел на парижский поезд.

- На какой, по вашему мнению?

- Скорее всего на тот, что приходит в три с чем-то на Аустерлипкий вокзал.

Это означало, что Калас вернулся домой часа в четыре или чуть раньше, если сел у вокзала в такси.

- Когда я прочел, - продолжал нотариус, - что в канале Сен-Мартен, как раз у набережной Вальми, обнаружены останки расчлененного тела, я, признаюсь, вздрогнул: совпадение меня поразило. Я уже говорил, что чуть не позвонил вам, но потом сказал себе, что вы можете поднять меня на смех. И только сегодня, услышав после обеда имя Каласа по радио, я решил встретиться с вами.

- Можно? - спросила сидевшая рядом с ним девица, указывая на пустую рюмку.

- Ну, конечно, малютка... Что вы думаете об этом, комиссар?

Последнего слова оказалось достаточно, чтобы девица выпустила руку нотариуса.

- Я не удивлен, - пробормотал Мегрэ, начиная ощущать тяжесть в голове.

- Признайтесь, что вы и не подозревали о подобной истории! Только в деревне можно встретить такие чудеса, и я сам, честно говоря...

Мегрэ больше не слушал. Он думал об Алине Калас, образ которой наконец обрел в его уме законченные очертания. Он мог бы даже представить себе ее маленькой девочкой.

Теперь она не казалась ему загадочной. Ему только нелегко будет объяснить все такому человеку, как Комельо. Мегрэ знал, что завтра ему нужно быть готовым к недоверчивости следователя.

Комельо скажет ему:

- Как бы там ни было, но все-таки убила она вместе со своим любовником.

Омер Калас был мертв. О самоубийстве не может быть и речи. Значит, кто-то нанес ему роковой удар и затем расчленил труп.

Мегрэ казалось, что в ушах его раздается пронзительный голос Комельо:

- И это, по-вашему, не хладнокровное убийство? Вы ведь не станете утверждать, что речь идет о преступлении в состоянии аффекта? Мне случалось соглашаться с вами, но сейчас... Нет, комиссар!

Канонж протянул ему полную рюмку:

- Ваше здоровье!

- Ваше.

- О чем вы сейчас думаете?

- Об Алине Калас.

- Вы верите, что она удрала с Омером только для того, чтобы досадить отцу?

Даже нотариусу, притом в непринужденной обстановке, Мегрэ было трудно объяснить то, что он понял. Сначала надо было допустить, что странные выходки девчонки из замка Буассанкур уже тогда являлись выражением протеста.

Доктор Петрель изложил бы все, конечно, лучше, чем он, Мегрэ. Сначала ее покушения на поджог. Потом ее сексуальные отношения с Каласом. Наконец, бегство с ним, когда любая другая на ее месте просто сделала бы аборт.

Может быть, это тоже было формой вызова? Или отвращения?

Мегрэ уже случалось излагать кое-кому - в том числе и людям с большим знанием жизни - свою точку зрения, смысл которой заключался в том, что лица, скатывающиеся на дно, особенно те, кто намеренно, с каким-то ожесточением стремится упасть все ниже, кто с наслаждением покрывает себя грязью, почти всегда бывают идеалистами.

Слова Мегрэ никого не убеждали. Комельо ответил бы:

- Скажите лучше, что она всю жизнь была порочна.

На набережной Вальми она начала пить. Это согласуется с остальным. С тем, что она никогда не пыталась вырваться из бистро, с тем, что срослась с его атмосферой.

Мегрэ понимал и Омера, который осуществил мечту стольких деревенских парней: заработать в должности лакея или шофера столько, чтобы стать владельцем бистро в Париже.

Омер вел ленивую жизнь, переходя от стойки бара к погребу, отправляясь один-два раза в год за вином в деревню и проводя послеобеденные часы за игрой в белот или бильярд в пивной у Восточного вокзала.

Его личная жизнь оставалась еще не выясненной. Меi-рэ обещал себе заняться этим в ближайшие дни, хотя бы для собственного удовлетворения. Он был убежден, что у Омера бывали краткие грубые связи со служанками или работницами своего квартала.

Рассчитывал ли Калас на наследство Буассанкура? Вряд ли: так же, как и все, он, должно быть, считал, что владелец замка лишил дочь наследства. Визитная карточка нотариуса подала ему надежду.

- Одного никак не могу понять, - сказал Канонж, - почему она отказалась от состояния? Ведь оно ей буквально с неба свалилось. Нет, это выше моего разумения, старина Мегрэ, а уж мне-то в жизни приходилось видеть всевозможных наследников.

Для комиссара, напротив, ее отказ был чем-то вполне естественным. Что ей дали бы деньги при ее теперешнем состоянии? Могла ли она поселиться с Омером в замке Буассанкур? Начать с ним в Париже или где-нибудь еще, например на Лазурном берегу, новую жизнь на манер богатых буржуа?

Подобно тому как животное забивается в свою нору, она предпочла остаться в своем углу, который сама себе создала. Там она влачила однообразные дни, глотая коньяк за кухонной дверью и принимая Папа в предвечернее время.

Пап тоже стал для нее привычкой. Возможно, он был даже чем-то большим, так как он все знал, и ей не нужно было его стесняться. Они могли молча сидеть рядом у печки.

- По-вашему, Омера убила она?
- Не думаю.
- Ее любовник?
- Скорее всего.

Музыканты укладывали инструменты, здесь тоже надо было закрывать. Мегрэ с нотариусом очутились на тротуаре и снова двинулись по Сен-Жермен-де-Пре.

- Вы далеко живете?
- На бульваре Ришар-Ленуар.
- Я вас немного провожу. Почему ее любовник убил Омера? Надеюсь уговорить ее принять наследство?

Походка у обоих была не слишком уверенной, но они с удовольствием шагали по пустым в этот час улицам Парижа, где лишь изредка проносились ночные такси.

- Я этого не думаю.

Завтра нужно будет говорить с Комельо в ином тоне:

Мегрэ понимал, что сейчас у него в голосе ясно звучит нечто сентиментальное.

- Так почему он его убил?
- Как вы думаете, что первым делом сделал Омер, когда он вернулся из Сент-Андре?
- Не знаю. Наверное, был вне себя и требовал от жены согласия на наследство.

В памяти Мегрэ всплыли бутылка чернил и бювар с несколькими листами чистой бумаги на столе в спальне Каласов.

- Это согласуется с его характером, не так ли?
- Полностью.
- Представьте, что он хотел силой заставить ее подписать соответствующее заявление и что она сопротивлялась.
- Такой тип не постеснялся бы намать ей бока. Я знаю наших крестьян.
- Ему случалось периодически избивать ее.
- Начинаю понимать, куда вы клоните.
- Возвратившись, он, конечно, не изменил своего решения. Это было в субботу, около четырех часов. Он заставляет Алину подняться в спальню, требует, угрожает, бьет ее.
- И тут входит любовник?
- Это наиболее правдоподобное объяснение. Дьедонне Пап знает дом. Услышав шум на втором этаже, он пересекает кухню и приходит на помощь Алине.
- И убивает мужа! - иронично заключил нотариус.
- Убивает то ли сознательно, то ли случайно, ударив его чем-то тяжелым по голове. И после этого расчленяет его на куски.

Канонж, человек веселого нрава, расхохотался.

- Потрясающе! - воскликнул он. - Мне кажется потрясающей сама мысль разделить Омера на части. Если бы вы его знали...

На свежем воздухе действие алкоголя на нотариуса стало еще более заметным.

- Вы меня проводите немного? Они повернули в обратную сторону. Потом проделали это еще раз.

- Это любопытный человек, - вздохнул Мегрэ.

- Кто? Омер?

- Нет, Пап.

- Сверх всего, его еще зовут Пап?

- Не только Пап, но Дьедонне Пап <Дьедонне Пап - букв, богоданный Папа (Римский).>.

- Потрясающе!

- Это самый мирный человек, какого я встречал.

- Потому, наверно, он и разделал Омера на куски? В самом деле, необходим был именно такой человек - одинокий, терпеливый, аккуратный, - чтобы так безупречно уничтожить следы убийства. Даже Мере с его подручными и аппаратурой не обнаружили в доме на набережной Вальми ничего, что могло бы служить доказательством совершенного преступления.

Помогала ли ему Алина Калас очищать дом, уничтожать белье и предметы, на которых могли остаться пятна?

Пап совершил только одну ошибку - впрочем, ее трудно было избежать: он не предусмотрел, что отсутствие в доме грязного белья удивит Мегрэ и что комиссар обратится в прачечную.

На что надеялась эта пара? На то, конечно, что пройдут недели и месяцы, прежде чем в канале найдут часть останков Каласа, и что тогда их невозможно будет опознать. Так оно и было бы, если бы баржа братьев Нод не везла несколько лишних тонн тесаного камня и не задела за дно канала.

Куда была брошена голова Каласа - в канал или в сточную канаву, - Мегрэ узнает через несколько дней. Он был уверен, что узнает все, и теперь это не вызывало в нем ничего, кроме профессионального интереса. Самым важным для него было понять драму, разыгравшуюся между тремя людьми, а теперь-то он был убежден, что понимает ее правильно.

Комиссар мог поклясться, что, уничтожая следы преступления, Алина и Пап тешили себя надеждой на новую жизнь, которая будет не очень отличаться от прежней.

Пап некоторое время продолжал бы приходить в бистро после обеда на час-другой, постепенно удлиняя продолжительность своих визитов, и наконец, когда муж был бы забыт клиентами и соседями, совсем перебрался бы в маленькое кафе.

Продолжались бы при нем визиты к Алине Антуана Кристена и прочим? Возможно. Мегрэ не осмеливался забираться в подобные дебри.

- На сей раз я с вами окончательно прощаюсь.

- Можно позвонить вам завтра в гостиницу? Вы мне будете нужны для кое-каких формальностей.

- Вам не придется звонить. Завтра в девять утра я буду у вас в кабинете.

Разумеется, в девять нотариус не пришел, да Мегрэ и не помнил об этом обещании. Состояние комиссара в момент пробуждения было не слишком бодрым. Когда жена поставила на ночной столик горячий кофе и тронула мужа за плечо, тот открыл глаза с отчетливым ощущением вины.

Улыбка у нее была какая-то особая - чуть-чуть снисходительная и еще более материнская, чем обычно:

- Как ты себя чувствуешь?

Он не помнил, когда еще у него так адски болела голова - верный признак того, что накануне он много выпил. Ему редко случалось возвращаться домой нетрезвым. Особенно мучило его, что он не заметил, как напился.

- Ты помнишь, что говорил мне ночью об Алине Калас?

Он предпочел бы не помнить: у него сохранилось впечатление, что во время рассказа он был невыносимо сентиментален.

- Ты казался почти влюбленным. Будь я ревнива... Он покраснел, и жена поспешила его утешить:

- Шучу, шучу. Так ты идешь сейчас докладывать обо всем Комельо?

Значит, он говорил ей и о Комельо? Действительно, именно это и оставалось ему сделать! Однако со Следователем он будет беседовать в ином стиле.

- Что нового, Лапуэнт?

- Ничего, шеф.

- Дай в сегодняшние послеобеденные газеты такое объявление: предлагается явиться в полицию для дачи показаний молодому человеку, которому неизвестное лицо поручило в воскресенье отнести чемодан в камеру хранения при Восточном вокзале.

- Значит, это не Антуан?

- Я в этом убежден. Пап никогда не дал бы такого поручения знакомому человеку.

- Но служащий говорил, что...

- Он видел парня приблизительно тех же лет, что Антуан, и одетого в кожаную куртку. В квартале тьма людей с такими приметам.

- У вас есть улики против Папа?

- Он сознается.

- Вы идете на допрос?

- Думаю, что теперь Комельо захочет заняться этим сам.

Следствие становилось несложным. Больше незачем было ставить вопросы наудачу и “удить рыбу”, как говорили у них в заведении. Мегрэ, впрочем, спрашивал себя: так ли уж ему хочется выбить Алину Калас и Дьедонне Папа из их последних укреплений? И он и она будут отбиваться до последнего, пока молчать дальше станет невозможно.

Он провел около часа наверху, у следователя. Оттуда же позвонил нотариусу Канонжу. Тот, должно быть, вскочил с постели, разбуженный звонком.

- Кто там? - Вопрос звучал так забавно, что Мегрэ улыбнулся.

- Комиссар Мегрэ.

- Который час?

- Половина одиннадцатого. Следователь Комельо, ведущий известное вам дело, хотел бы видеть вас у себя как можно скорее.

- Скажите ему, что я сейчас приеду. Взять с собой документы Буассанкура?

- Будьте добры.

- Вы вчера из-за меня поздно легли?

Сам нотариус лег, должно быть, еще позже. Бог знает, где он бродил после того, как расстался с Мегрэ, так как комиссар услышал в трубке женский голос, лениво осведомившийся: “Который час?”

Мегрэ снова спустился к себе в кабинет. Лапуэнт спросил:

- Он будет их допрашивать?

- Да.

- Начнет с женщины?

- Я посоветовал ему начать с Папа.

- Он легче расколется?

- Да. В особенности если смертельный удар Каласу нанес именно он, как я думаю.

- Вы уходите?

- Мне нужно кое-что выяснить у ее дочери. Речь шла о небольшой подробности. Мегрэ пришлось дожидаться конца операции, чтобы увидеть Люсетту Калас.

- Теперь вы знаете из газет о смерти вашего отца и аресте матери?

- Нечто подобное должно было произойти - Последний раз вы ходили к ней для того, чтобы попросить денег?

- Нет.

- Для чего же?

- Чтобы сообщить, что я выхожу замуж за профессора Лаво, как только он получит развод. Ему может прийти желание познакомиться с моими родителями, и мне хотелось, чтобы она выглядела прилично.

- Вы знаете о том, что умер Буассанкур?

- Кто это? - Ее удивление было непритворным.

- Ваш дед.

Мегрэ добавил равнодушным тоном, словно сообщая нечто незначительное:

- Если вашу мать не уличат в убийстве, она получит в наследство замок, восемнадцать ферм и сколько-то миллионов.

- Вы уверены?

- Вы можете сами об этом спросить у нотариуса Канонжа, который ведет дело о наследстве. Он живет в гостинице "Орсе".

- Он там будет весь день?

- Вероятно.

Она не спросила, что станет с ее матерью, и Мегрэ, пожав плечами, расстался с ней.

В этот день комиссар не стал ничего есть в обеденный перерыв, но кружка-другая пива более или менее успокоила его желудок. Все послеобеденное время он провел, закрывшись у себя в кабинете. На столе перед ним лежали ключи от бистро и от квартиры Папа. Казалось, он испытывает злорадное удовлетворение, разделяваясь с кучей служебной писанины, которая обычно внушала ему ужас.

Когда звонил телефон, он быстрее, чем обычно, хватал трубку, но только в пять с чем-то услышал голос Комельо:

- Мегрэ?

- Да.

Следователь с трудом сдерживал торжествующие нотки:

- Я был прав, приказав арестовать их.

- Всех троих?

- Нет, Антуана я только что распорядился выпустить.

- А те сознались?

- Да.

- Во всем?

- Во всем, что мы предполагали. Мне пришла недурная идея начать с мужчины. Когда я окончил обстоятельный рассказ о том, что могло произойти, он не возражал.

- А женщина?

- Пап повторил свое признание при ней, так что она уже не могла ничего отрицать.

- Она сказала еще что-нибудь?

- Она только спросила, когда выходила из кабинета, позаботились ли вы о ее коте.

- И что вы ответили?

- Что вам и без того дела хватает. Этого ответа Мегрэ всю жизнь не мог простить следователю Комельо.